

СЕМЬ ДНЕЙ

ШЕДЕВРЫ ДЕТЕКТИВА #1

РОМАН ПЕРЕВЕДЕН НА 29 ЯЗЫКОВ МИРА

A woman with blonde hair is lying face down on a dark surface, her hands clasped in front of her. The background is a blurred cityscape at night with lights reflecting on a wet surface.

Один из лучших, если не самый лучший
современный писатель криминального жанра

Daily Mail

ДЕОН МЕЙЕР

Бенни Гриссел

Деон Мейер

Семь дней

«Центрполиграф»

2012

Мейер Д.

Семь дней / Д. Мейер — «Центрполиграф», 2012 — (Бенни Гриссел)

В полицию приходят анонимные электронные письма. Их автор требует найти убийцу Ханнеке Слут, молодой сотрудницы юридической фирмы, и утверждает, что полицейскому руководству известно имя убийцы. Пока виновный не будет привлечен к ответу, он угрожает каждый день стрелять в полицейских. После того как неизвестный выполняет свою угрозу и ранит в ногу молодого констебля, расследование поручают капитану Бенни Грисселу из отдела особо тяжких преступлений.

Содержание

День первый	5
1	5
2	9
3	13
4	17
5	22
День второй	26
6	26
7	30
8	34
9	37
10	42
11	46
12	50
13	54
14	58
15	62
Конец ознакомительного фрагмента.	63

Деон Мейер

Семь дней

Посвящается Аните

День первый

Суббота

1

Что бы ни случилось, ему меньше всего хотелось опозориться.

Капитан уголовного розыска Бенни Гриссел оделся во все новое – на костюм пришлось истратить почти все деньги. Рядом с ним, на пассажирском сиденье, лежал букет цветов. Руки, сжимавшие руль, вспотели от волнения. Ему отчаянно хотелось выпить. Спиртное утешило бы его, придало бы сил. Господи, пожалуйста, сделай так, чтобы он сегодня не опозорился, не облажался! Тем более – при Алексе Барнард и ее друзьях-музыкантах, звездах первой величины. Неужели все его мечты окажутся напрасными?

Готовиться к важному событию Гриссел начал заранее: в понедельник постригся в парикмахерской, во вторник Маргарет, жена Матта Яуберта, повезла его в магазин мужской одежды «Роменс» в торговом центре «Тейгер-Вэлли».

– Здесь продают одежду в стиле кэжуал, – говорила Маргарет на африкаанс с очень милым английским акцентом. – Советую купить брюки чинос, красивую рубашку, и все. Будете одеты как бы повседневно и в то же время нарядно.

– И куртку, – заупрямился Гриссел. При мысли о том, что он окажется одет чересчур «повседневно» и недостаточно «нарядно», он пришел в ужас. В том месте, куда его пригласили, наверняка не будет недостатка в шикарно одетых гостях.

Он бы купил еще и галстук, но Маргарет его урезонила:

– Слишком вырядиться еще хуже, чем прийти в за трапезе. Никакого галстука!

В результате они купили льняные брюки цвета хаки, голубую хлопчатобумажную рубашку, черный пояс, черные туфли, модную черную куртку. Взглянув на чек, Бенни мысленно ахнул.

Со среды он начал репетировать. Он понимал, что не имеет права опозориться на таком важном мероприятии. Больше всего он боялся, что машинально выругается – бранные слова словно сами собой слетали у него с языка, когда ему бывало не по себе. Весь вечер придется следить за собой и не расслабляться. Никаких разговоров о работе, никаких соленых анекдотов. Улыбаться, вести светскую беседу и не терять хладнокровия. Бенни проигрывал в своем воображении разные ситуации, как велел ему доктор Баркхёйзен, его куратор из «Анонимных алкоголиков».

Антону Ламуру он скажет:

– У вас потрясающее соло в «Холодном огне». – И все. Никакой лирики и розовых соплей.

Тёнсу Йордану он признается:

– Я большой поклонник вашего творчества. – Да, так, пожалуй, лучше всего: продемонстрировать кумиру свое восхищение сдержанно и с достоинством.

Неужели он в самом деле познакомится с ними? Бенни Гриссел глубоко вздохнул. А если придет Скалк Яуберт, он пожмет ему руку и скажет просто:

– Очень рад. Для меня знакомство с вами – большая честь.

Потом, правда, лучше сразу отойти в сторону, иначе он не выдержит и его понесет. Он признается, что боготворит Яуберта, восхищается его мастерством... И вся его тщательная подготовка сойдет на нет.

Но больше всего он волновался из-за Лизе Бекман. Если бы только можно было перед знакомством с ней выпить – совсем чуть-чуть, для храбрости! Чтобы успокоить нервы. И не забыть перед тем, как поздороваться с Лизе Бекман, вытереть ладонь о новые брюки. Нельзя же, в самом деле, пожимать руку звезде потной лапой!

– Мисс Бекман, знакомство с вами – огромная честь для меня. Ваша музыка доставляет мне огромное удовольствие.

После того как Лизе Бекман ответит: «Спасибо», надо сразу отойти и разыскать Алексу. Рядом с ней он еще может надеяться, что не опозорится окончательно.

Белый фургон «чана» китайского производства остановился под деревьями на Второй авеню, между школой имени Ливингстона и задним двором полицейского участка «Клермонт».

Фургон выпуска 2009 года не бросался в глаза. Видно было, что ему пришлось немало пережить, – на переднем бампере вмятина, задние дверцы поцарапаны. Окна кузова замазаны дешевой белой краской. Боковые панели слегка отличаются по цвету от облицовки кузова.

За рулем сидел снайпер в синем, слегка выцветшем рабочем комбинезоне, он заглушил мотор, положил обе руки на колени и некоторое время оставался совершенно неподвижен. Длинные светлые волосы падали ему на спину, коричневую бейсболку он надвинул на самые глаза.

Он заставил себя осмотреть в левое переднее окошко каждый сантиметр пустого школьного двора. Потом повернул голову направо. Увидел высокий забор на другой стороне улицы, двойные сетчатые ворота, за ними – двор полицейского участка, на который уже падала вечерняя тень Столовой горы. Ни одного человека; полная тишина.

Подергав передние дверцы и убедившись, что они заблокированы, он перелез назад. В фургоне на первый взгляд все было завалено картонными коробками, металлическими и деревянными ящиками. Сев на деревянный ящик, он опустил шторку-перегородку из выцветшей желтой материи. Он сам приделал ее к крыше, куда сначала прибил кусок коврового покрытия. Шторка отделяла его от кабины водителя и делала невидимым для случайных прохожих.

Снайпер снял бейсболку, положил ее рядом. Заметил, что дыхание его участилось, а руки слегка дрожат. Он сделал глубокий вдох и заставил себя расслабиться. Нагнулся, откинул крышку длинного помятого красного ящика для инструментов. Вынул верхний поддон – тяжелый, заваленный всевозможными молотками, отвертками, кусачками, плоскогубцами, пильными полотнами. Поддон он осторожно поставил рядом с ящиком на застеленный резиновым ковриком пол фургона.

Со дна красного ящика он достал снайперскую винтовку и телескопическую трекинговую палку «Килиманджаро».

Сначала он отрегулировал высоту палки. Примерился. Поднял винтовку, аккуратно, чтобы не задеть оптический прицел, просунул ствол с глушителем в черный ремень на конце палки.

Посмотрел в прицел, подрегулировал высоту упора.

Затем с помощью самодельной рукоятки он сдвинул на три сантиметра вправо внутреннюю и наружную боковые панели «чаны». Теперь можно было высунуть из фургона ствол винтовки.

Он посмотрел в прицел на внутренний двор полицейского участка. Выровнял четкость...

* * *

Остановившись перед большим викторианским особняком на Браунлоу-стрит, Гриссел подхватил букет, вылез из машины и, толкнув калитку, направился к парадной двери.

Алекса Барнард довольно долго занималась реставрацией дома. По ее приказу от ограды недавно был убран уродливый гигантский кактус. Фасад все еще закрывали строительные леса. Бенни подумал: она начала новую жизнь. Постоянные хлопоты помогают ей забыть о прошлом.

Он остановился у двери, посмотрел на свои туфли. Начищены до блеска! Он глубоко вздохнул. А вдруг он все неправильно понял и сегодня надо было явиться в строгом вечернем костюме? Сейчас Алекса выйдет его встречать в каком-нибудь экзотическом вечернем платье... Или, наоборот, прием окажется подчеркнуто неформальным и все, кроме него, явятся в потертых джинсах и рубашках поло? Гриссел еще ни разу не был на коктейле со звездами шоу-бизнеса.

Он нажал кнопку звонка и услышал ее торопливые шаги. Она спускалась по лестнице.

Дверь открылась. Гриссел увидел Алексу и воскликнул:

– Боже!

На глазах у снайпера мимо «чаны» прополз полицейский фургон. Перед тем как въехать в широкие ворота, водитель сбросил скорость.

На некоторое время полицейский фургон скрылся из поля зрения. Затем снайпер снова увидел его. Фургон занял место на парковочной площадке. Снайпер следил за ним в оптический прицел.

В кабине сидел только один констебль. Фургон стоял на середине открытой площадки, за двумя другими полицейскими машинами.

Метров семьдесят – восемьдесят, навскидку определил снайпер. Он прицелился в капот одной из машин, дождался, пока водитель появится в поле зрения. И вдруг сообразил, что слишком волнуется – сердцебиение заметно участилось.

Он глубоко вдохнул. В прицеле показалась фигура в форме. Вот он! Стрелять по движущейся цели нелегко.

Он чуть опустил ствол, ведя его за констеблем, мысленно повторяя правила: «зацепиться» за цель, задержать дыхание, не закрывать левый глаз, мягко нажать на спусковой крючок. Он почувствовал отдачу. В замкнутом пространстве кузова выстрел оказался громче, чем он ожидал.

Промах!

– Ты выглядишь... – Гриссел чуть не ляпнул: «охренительно», но вовремя сдержался, отчаянно подыскивая под ходящее приличное слово, способное передать его восхищение ее потрясающей внешностью, – сказочно!

Алекса вышла к нему в черном длинном платье без бретелей; пышную грудь подчеркивал широкий кожаный пояс бежевого цвета. На ногах – светло-коричневые сандалии на платформе.

А ее лицо... Он еще никогда не видел ее такой красивой! Макияж был нанесен искусно и умело, алые губы так и манили поцеловать. Она постриглась и подкрасила светлые волосы. В ушах серебряные серьги в виде крупных сердечек. Из-под длинных ресниц загадочно смотрят темно-зеленые глаза.

На один короткий миг Гриссел позволил себе помечтать: если сегодня все пройдет хорошо, может быть, потом она позволит ее поцеловать?

Алекса рассмеялась и окинула его одобрительным взглядом:

– Ты тоже, Бенни... А цветы кому – мне?

- Ах... да! – Он неуклюже протянул ей букет.
- Судя по ее румянцу, она в самом деле оценила его старания.
- Большое спасибо! – Алекса шагнула вперед и поцеловала Гриссела в щеку.

По опыту он знал, что снаружи выстрела почти не будет слышно. Ведь он стреляет из винтовки с глушителем, к тому же изнутри кузов «чаны» обит кусками коврового материала. И все равно ладони, сжимавшие винтовку, сделались скользкими и липкими. Сердце гулко колотилось о грудную клетку. Он передернул затвор. Упавшая гильза с лязгом ударилась о металлический ящик. Он перезарядил винтовку, слегка передвинул ствол, посмотрел в прицел и убедился в том, что констебль не заметил выстрела. Он смотрел в другую сторону – на гору.

Снайпер снова прицелился в ноги полицейскому. Сдвинул ствол на два-три сантиметра вперед, учитывая движение. Надо стрелять по коленям... Изнутри, из желудка, поднимался страх. Дыши, дыши, медленно выдыхай... Он нажал на спусковой крючок. Увидел, как констебль упал.

И сразу испытал облегчение. Втянул ноздрями воздух, уловил запах кордита. Так, не расслабляться! Он понимал, что дальше действовать придется быстро, следующие шестьдесят секунд решающие, все должно пойти точно по плану. Он размотал ремень трекинговой палки, служившей упором. Освободил винтовку. Положил ее на дно ящика. Накрыл поддоном с инструментами. Закрыл ящик. Палку можно оставить.

Он поднял матерчатую шторку. Бейсболка! Надеть бейсболку. Он перелез на водительское сиденье, приказывал себе не смотреть на цель, не смотреть... Но тревога все больше завладевала им, и он все же покосился на раненого. Констебль корчился от боли на открытой парковке метрах в восьмидесяти от него и разглядывал свою ногу.

Смотри перед собой! Поверни ключ, заведи «чану», медленно трогайся с места. Всего десять метров – и тебя не будет видно! Несколько секунд... констебль ничего не успеет заметить. К тому же он сейчас в состоянии шока и все равно вряд ли что-нибудь запомнит. Не привлекай к себе внимания, действуй хладнокровно, ты здесь ни при чем...

Он выжал сцепление и тронулся с места.

2

У входа в театральный центр «Артскейп» висел огромный плакат, извещавший о том, что в пятницу, 4 марта, на Большой арене состоится концерт в честь дня рождения Антона Госена. Внизу поместили снимки всех звезд, которые будут выступать здесь на следующей неделе.

В самой середине избранных он увидел Алексу Барнард. Рядом с ее фотографией красовалась надпись, набранная шрифтом помельче: «Ксандра Барнард возвращается!»

Подумать только – он участвует в таком событии! У него новая куртка... И он приехал вместе с живой легендой! Гриссел сглотнул подступивший к горлу ком и велел себе не раскидываться.

Внутри собралось довольно много народу. Бенни украдкой разглядывал мужчин: как они одеты? Уф... Он вздохнул с облегчением. Многие, как и он, пришли в куртках. Он старался успокоиться, внушая себе, что все будет хорошо.

Все глазели на Алексу, многие окликали ее по имени. Потом их окружила целая толпа. Алекса принялась здороваться со старыми друзьями. Гриссел скромно отступил на задний план. Он заранее подозревал, что так оно и будет, и радовался за Алексу, которой оказывали такой теплый прием. Она ведь так волновалась! На прошлой неделе она даже призналась ему в своих страхах:

– Меня очень долго не было, Бенни. И потом, после того как Адама убили, поднялась шумиха... Даже не знаю, чего ожидать!

Адам Барнард был ее мужем. Бенни расследовал его убийство, так они с Алексой и познакомились.

– Вы Пол Эйлерс, актер! – услышал он рядом женский голос.

Обернувшись, Бенни увидел незнакомую молодую женщину. Оказалось, что она обращается не к кому-нибудь, а к нему.

– Нет, – ответил он. – Меня зовут Бенни Гриссел.

– А я готова была поклясться, что вы – Пол Эйлерс, – огорчилась молодая незнакомка и тут же отошла от него.

Постепенно Гриссел немного освоился и даже начал различать в толпе звезд первой величины. Лаурика Раух держала Алексу за обе руки и что-то ласково ей говорила. Карен Зоид и Гиан Грун вполголоса беседовали между собой. Эмо Адамс, видимо, рассказывал что-то смешное, потому что стоявшая рядом с ним Соня Герхолдт громко хохотала.

Интересно, где Лизе Бекман?

В толпе сновали официанты с подносами; Грисселу, как и другим гостям, предложили шампанского. Бенни пристально посмотрел на золотистую жидкость, на пузырьки, которые лениво поднимались вверх, и ощутил внутри жажду, непреодолимое желание выпить. Он с трудом взял себя в руки и помотал головой. Нет уж, спасибо...

Двести двадцать семь дней без спиртного. Наверное, надо пойти и взять себе газировки или сока – лишь бы не стоять столбом в море избранных. Он здесь чужой, в отличие от Алексы... Она-то дома, в своей стихии, она сияет!

Господи... Что он здесь делает?!

* * *

Когда Алекса познакомила его со знаменитым бас-гитаристом Скалком Яубертом, ему чуть не стало плохо.

– Скалк, познакомься, это Бенни Гриссел, он тоже играет на бас-гитаре, – представила его Алекса, и он почувствовал, что краснеет. Протянул дрожащую руку:

– Рад с вами познакомиться, для меня чертовски большая честь... – Голос охрип от волнения, и он мысленно обозвал себя болваном. Как он ни крепился, с губ все же слетело бранное словечко!

– А, наш человек! Большое спасибо, что пришел, брат, это для меня большая честь, – непринужденно и беззаботно ответил Скалк Яуберт, и от его голоса страхи Бенни мгновенно улетучились, он успокоился. Скалк сделал ему немислимый комплимент, назвав «братом». Гриссел воспрянул духом и, еще больше радуясь улыбке Алексы, нашел в себе мужество вступить в беседу с самими Тёнсом Йорданом и Антоном Ламуром. Он спросил их, как шла работа над альбомом «Холодный огонь». Потом и вовсе растаяв от их великодушия, поинтересовался, когда же они запишут как полагается «Долину Хексривирваллей».

– Она того заслуживает!

Напряжение потихоньку отпускало его, он начал запросто общаться с гостями, широко улыбаясь и недоумевая, из-за чего так психовал. Звезды – такие же люди! Он почти гордился собой... И вдруг Алекса дернула его за руку. Обернувшись, он увидел, что рядом с Антоном Госеном стоит сама Лизе Бекман! Оба улыбались ему дружелюбно и как-то по-свойски. Бенни сразу показалось, что все вокруг стихло. Окружающий мир словно обезлюдел. Мозги у него совершенно отказались работать, сердце бешено колотилось. Как во сне он пожал руку высокой красавице блондинке и сам не понял, как в наступившей тишине с его губ слетело восхищенное:

– ... твою мать!

И тут же в нагрудном кармане куртки зазвонил мобильный телефон. Он застыл на месте, как примороженный. Едва слышный внутренний голос требовал: «Сделай что-нибудь!» Бенни выпустил руку Лизе Бекман и, сгорая от стыда и унижения, промямлил:

– Извините!

Он с трудом вытащил телефон, отвернулся, приложил трубку к уху.

– Алло! – Собственный голос показался ему чужим.

– Бенни, ты мне нужен, – сказал бригадир Мусад Мани, командир «Ястребов». – Немедленно!

Злясь на себя и на Алексу, Гриссел гнал машину на огромной скорости. Почему Алекса так с ним поступила? Он злился и на свой мобильник – вечно звонит не вовремя! Ведь он еще мог как-то искупить свою оплошность, извиниться, а потом произнести заученную фразу: «Знакомство с вами – огромная честь для меня...» Может быть, тогда его бы и простили. Он злился и на бригадира: дернул его вечером в субботу, в его выходной день! Бенни злился, потому что не мог заглушить вопящий в голове многоголосый хор, твердящий ему, что он выставил себя полным уродом и кретином. Просто жуть! Слово, как известно, не воробей... Ругательство, сорвавшееся с его языка, болтается теперь мертвой черной птицей между ним и Лизе Бекман. Все отошло на второй план, кроме противного верещания мобильного и застрявшего в голове, как кусок свинца, твердого убеждения: несмотря на все свои зарок, мечты и приготовления, он опозорился, выставил себя полным идиотом!

На самом деле во всем виновата Алекса. Она ведь заранее, еще две недели тому назад, начала выпрашивать, с кем из знаменитостей он хочет познакомиться. Сначала Бенни отвечал: ни с кем. Он скромно постоит в сторонке и полюбуется ею. Пусть она знает: если что, он рядом. Он прекрасно понимал, что может оплошать и подвести ее. Но Алекса по одному вытягивала из него имена его кумиров, а потом сказала:

– Я хочу сделать тебе приятное.

– Пожалуйста, не надо! – попросил он, но без особой убежденности, тем более что ее предложение казалось все более и более заманчивым. Наконец он согласился, и Алекса очень

обрадовалась. Но Бенни ходил сам не свой. Его мучили дурные предчувствия, которые бывают хуже страха. Он еще тогда догадывался, что не справится.

Он сам во всем виноват. Снова облажался.

Увидев, что в кабинете, кроме трех старших офицеров УРОВП – Управления по расследованию особо важных преступлений, присутствует сам генерал Джон Африка, начальник уголовного розыска и криминальной разведки Западной Капской провинции, Гриссел понял: его ждут крупные неприятности.

Посередине сидел крепыш с каменным лицом – бригадир Мусад Мани, командир элитного управления, получившего название «Ястребы». По бокам от него расположились полковник Зола Ньяти, глава отдела по борьбе с особо тяжкими преступлениями и непосредственный начальник Гриссела, и полковник Вернер Дюпре, возглавляющий отдел по борьбе с преступлениями против государства (сокращенно ППГ). Африка сидел за столом напротив них.

Все поздоровались, Мани жестом велел Грисселу садиться. На столе лежали папки с документами.

– Извини, Бенни, что испортили тебе вечер, – начал бригадир. – Но у нас беда.

– Большая беда, – подчеркнул Африка.

Полковник Ньяти кивнул.

Бригадир замолчал и глубоко вздохнул, словно собираясь с мыслями. Потом он придвинул к Грисселу лист бумаги:

– Пожалуй, начнем вот с этого.

Гриссел придвинул к себе документ и начал читать, чувствуя, что все четверо внимательно следят за ним.

«762a89z012@anonymail.com

От: 26 февраля, суббота, 06.51

Кому: j.afrika@saps.gov.za

Кас.: Ханнеке Слут – вас предупреждали

Прошло 40 дней после убийства Ханнеке Слут. Вы 40 дней покрываете убийцу. Вам известно, за что ее убили.

Я пишу вам в пятый раз, но вы не слушаете. Вы не оставили мне выбора. Сегодня я подстрелю полицейского. В ногу. И так будет повторяться каждый день до тех пор, пока вы не арестуете убийцу.

Если завтра в СМИ не появится сообщения о том, что дело Слут направлено на расследование, следующая пуля будет не в ногу».

Подписи не было. Гриссел поднял голову.

– Как видишь по дате, его прислали сегодня утром, – сказал бригадир. – А около семи вечера на парковке участка «Клермонт» неизвестный снайпер ранил в ногу констебля Брендона Апреля.

– Издалека стрелял, гад! – добавил Джон Африка. – Мы до сих пор ищем, откуда именно.

– Колено в плохом состоянии, – вставил Ньяти. – Раздроблено.

– Констебль Апрель еще совсем молодой человек, – продолжал Африка. – Он уже никогда не сможет нормально ходить. А этот чокнутый гад... – он ткнул пальцем в распечатку электронного письма в руке Бенни, – на самом деле уже не в первый раз мне пишет! Только его письма какие-то... мутные и совершенно бессмысленные. – Он постучал по лежащей перед ним папке: – Сам увидишь.

Бригадир наклонился вперед:

– Бенни, мы хотим объявить, что следствие по вновь открытому делу Слут поведешь ты.

– Я лично просил бригадира, чтобы убийство Слут поручили тебе, – добавил Африка.

– Клуте сейчас обзванивает редакции; он уверен, что мы еще успеем поместить объявление в местных воскресных выпусках «Аргуса» и «Раппорта», – сказал Мани. Клуте заведовал отделом общественных связей ЮАПС, в его задачу входило общение с представителями СМИ.

– Мы попробуем связаться и с радиостанциями, но я не знаю, получится ли, – снова вступил Африка.

– В общем, дело сложное, – подытожил Няти, еще больше хмурясь, – если не сказать хуже.

– Если ты согласен, Бенни... Мы не бросим тебя на произвол судьбы. Будем помогать чем можем, поддерживать...

Гриссел положил лист бумаги на стол, одернул свою новую модную черную куртку и спросил:

– Ханнеке Слут... кажется, она была юристом?

3

– Совершенно верно... – Мани придвинул Грисселу папку. – Ее убили в середине января. Следствие вел участок «Грин-Пойнт»...

Гриссел взял пухлую папку с документами и попытался вспомнить все, что он слышал об убийстве Слут. Месяца полтора назад о деле шумели все СМИ, да и его коллеги активно обсуждали убийство.

– Она жила в пяти кварталах от моего офиса, в новой шикарной квартире, – сказал Африка. – Ее зарезали... чем-то вроде огромного ножа.

Бригадир вздохнул.

– И никаких улик. Ничего! Прочти дело, сам поймешь. Следовательно ничего не упустил.

Гриссел открыл пухлую папку, пролистал страницы, увидел подробные, четкие записи.

– Ты ведь помнишь, как все стояли на ушах после дела Стейн, – продолжал Африка. – После него все старались перестраховаться. Никому не хотелось подставлять свою голову. Убийство Слут расследовали по всем правилам. Произвели тщательное вскрытие, опросили всех соседей и свидетелей, всех, кто был жив и еще мог дышать. Не упустили никого и ничего. Но не нашли совершенно ни какого, хоть мало-мальски возможного, мотива преступления!

– Кроме разве того, что жертва была юристом, – философски заметил Ньяти. – Крупные клиенты. Большие деньги...

– Верно... – кивнул Африка.

– Ее убийство из разряда случайных преступлений, – предположил Ньяти. – Преступника найти невозможно!

Африка вздохнул.

– Трудность в том, что она переехала в новый дом 3 января, а убили ее 18-го. Она даже не успела распаковать все вещи. Поэтому ни соседи, ни охранники, ни подруги покойной не могли сказать следователю, пропало что-нибудь из квартиры или нет.

– Давайте не будем торопиться, – осторожно обратился Мани к генералу. – Очень важно, чтобы Бенни взглянул на дело свежим глазом. Пусть изучит все материалы с самого начала, вдруг ему удастся что-нибудь обнаружить.

Африка кивнул.

Гриссел взял в руки листок с распечаткой электронного письма.

– Бригадир, почему он пишет: *«Вы 40 дней покрываете убийцу. Вам известно, за что ее убили»?*

Опередив Мани, Африка с чувством произнес:

– Полная чушь, Бенни! Полнейшая! Ты почитай, что он написал раньше. Бред, полный бред! Мы якобы на стороне коммунистов, Антихриста... и в чем он только нас ни обвиняет!

– Он псих, – сказал Ньяти. – Сторонник идеи о превосходстве белой расы. Он ненавидит нас, ненавидит правительство, ненавидит геев... он всех ненавидит!

– Террорист, вот он кто, террорист, который прячется за анонимным электронным адресом! Выследить его невозможно. – Африка подвинул к Бенни тонкую папку, лежавшую рядом с ним. – Вот остальные его письма. Прочти, сам все поймешь.

Гриссел поинтересовался, хотят ли они, чтобы он искал заодно и снайпера.

От внимания бригадира не ускользнула его нерешительность.

– Бенни, ты ведь знаешь, как бывает с такими психами. Иногда они закликиваются на каком-то конкретном деле. Но, если между снайпером и Слут есть какая-то связь, которую мы прохлопали... Снайпером занимается отдел по борьбе с преступлениями против государства. Объединенную следственную группу возглавляет полковник Дюпре.

– Официально дело поручено Мбали, – подал голос Дюпре. – Вчера она как раз вернулась из Амстердама...

– Амстердам, ах, Амстердам, – произнес Африка, качая головой, впрочем добродушно.

Неделю назад все «Ястребы» сильно разволновались из-за так называемого «происшествия в Амстердаме». Отважную толстушку Мбали Калени, которая последние полгода служила в возглавляемом Дюпре отделе ППГ, отправили на курсы повышения квалификации в Нидерланды. Там с ней что-то произошло; никто не знал, что именно, но ходили слухи, что Мбали сильно оконфузилась. Предположения высказывались самые разные, однако никто не знал, что там с ней случилось. Кроме, конечно, начальства, но старшие офицеры предпочитали помалкивать.

– Бенни, хлопот у тебя будет много, и все-таки старайся быть в курсе того, чем занимается ППГ. И если ты выяснишь что-то, способное им помочь...

– Бенни, ты ведь знаешь, как мы работаем, – обратился к нему полковник Дюпре. – Мы здесь одна большая команда...

Гриссел снова кивнул.

Ньяти скрестил руки на груди и вздохнул:

– Бенни, если просочится слух о том, что нас кто-то шантажирует, стреляет в полицейских... Средства массовой информации закатят истерику, среди обычных граждан начнется паника...

– Клуте постарается, чтобы сведения о констебле Апреле не попали в прессу. Но все-таки и ты тоже будь поосторожнее с журналистами, – посоветовал Мани. – Кстати, убийством Слут занимался детектив Нкхеси из участка «Грин-Пойнт». Звони ему в любое время дня и ночи, он с радостью тебе поможет.

– Все наши окажут тебе полную поддержку, – заверил Ньяти.

Мрачно глянув на Гриссела, Африка заключил:

– Бенни, очень не хочется давить на тебя еще больше, но ты должен действовать быстро. Ведь сумасшедший ублюдок до тех пор будет стрелять по нашим, пока ты не найдешь убийцу!

В половине одиннадцатого вечера в субботу Гриссел шел к себе в кабинет по тихим, гулким, широким коридорам штаб-квартиры «Ястребов». По пути он вспоминал подробности печально знаменитого дела Стейн, которое имело такие неприятные последствия для всех его коллег.

Полтора года назад Эстелле Стейн, молодую женщину, недавно получившую диплом шеф-повара, нашли убитой в собственном доме в районе Пайнлендс. Ее задушили куском материи, возможно галстуком. Эксперты не обнаружили на месте преступления никаких следов взлома и борьбы; из дома жертвы ничего не пропало, ее не изнасиловали. Следствие пришло к выводу, что Стейн убил человек, которого она хорошо знала и которому доверяла. Первым подозреваемым стал ее жених, угрюмый и нелюдимый консультант аудиторской компании КПМГ с холодными глазами. У жениха имелся ключ от квартиры Стейн. Кстати, он носил галстуки. Через 72 часа жениха арестовали и предъявили ему обвинение; средства массовой информации и взволнованные граждане нисколько не сомневались в его виновности. Эстелле Стейн любили все, кто ее знал. Она была веселой, живой, «солнечной». Ее считали прекрасным профессионалом. По словам коллег, ее ждало блестящее будущее. На первых полосах газет замелькали фотографии: красивая, улыбчивая блондинка рядом с угрюмым, замкнутым женихом. Казалось, он смотрит на весь мир исподлобья. Как человек, на чьей совести много грехов.

Дело передали в суд.

Адвокаты напустились на представителей обвинения, словно стая бродячих псов. Они не оставили от выводов следствия камня на камне. Объявили, что дело вели халтурно, кое-как, а эксперты поспешили с выводами.

Жениха, которого все семь месяцев считали виновным, освободили в зале суда.

Разгорелся новый скандал. Средства массовой информации заходились в истерику. Простые граждане были ошеломлены. Криминалисты-теоретики подробно разбирали все ошибки, допущенные представителями ЮАПС. Написанные ими книги раскупались, как горячие пирожки. Парламентская оппозиция воспользовалась делом Стейн, чтобы лишний раз кольнуть действующее правительство. После убийства Эстелле Стейн прошло довольно много времени, но полиции не давали забыть об ошибке.

На карьере Фани Фика, следователя, который вел дело Стейн, поставили жирный крест. Его срочно перевели в Центр управления информацией (сокращенно ЦУИ), где переучили на компьютерного аналитика, но все понимали, что по службе ему уже никогда не продвинуться. За спиной его называли Фани-Фикция. И всем коллегам было известно, что каждый день после работы Фани напивается в баре «Пьяная утка».

Вот почему следствие по делу Слут, материалы которого Гриссел нес к себе в кабинет, вели так тщательно и по всем правилам. Раны еще не затянулись; скандал глубоко задел честь стражей порядка. Каждый детектив прекрасно понимал: в следующий раз козлом отпущения может стать именно он. И тогда на него дружно накинется начальство, журналисты и простые граждане, которые и так не слишком хорошо относятся к полиции.

Вот почему генерал Джон Африка специально пришел на заседание УРОВП и вот почему попросил, чтобы дело вел конкретный человек.

На какие только поступки ни толкает людей страх... При обычных обстоятельствах руководство УРОВП ни за что не прислушалось бы к просьбам или приказам начальника уголовного розыска провинции и не обрадовалось бы его вмешательству. «Ястребы» ревностно относятся к своей независимости, считая себя «государством в государстве».

Бенни подумал: они позволяют неизвестному стрелку шантажировать их тоже из страха. Неужели в прежние времена ЮАПС подчинилась бы угрозам какого-то снайпера?!

Отпирая дверь кабинета, Гриссел глубоко вздохнул. Он предчувствовал, что его ждут крупные неприятности.

А когда жизнь была простой?

Бенни разложил папки на столе. Сначала раскрыл тонкую, которую передал ему Джон Африка. Он начал читать электронные письма в хронологическом порядке, вначале просто стараясь сосредоточиться. Слишком много событий для одного дня...

«762a89z012@anonymail.com От: 24 января, понедельник, 23.53 Кому: j.afrika@saps.gov.za Кас.: Ханнеке Слут

Вы прекрасно знаете, кто убил Ханнеке Слут. Арестуйте коммуниста, или я передам подробности в прессу».

Второе послание оказалось намного длиннее:

«762a89z012@anonymail.com

От: 31 января, понедельник, 23.13

Кому: j.afrika@saps.gov.za

Кас.: Ханнеке Слут, вы все попадете в ад!!!

Вы нечестивы и грешны (1 Тим., 1: 9; Притч., 17: 23).

Раскроется правда о коммунисте и о деньгах, которые он вам платит. Все вы одинаково развращены. Ваше время на исходе.

1 Тим., 1: 9—10:

«Зная, что закон положен не для праведника, но для беззаконных и непокоривых, нечестивых и грешников, развратных и оскверненных, для оскорбителей отца и матери, для человекоубийц,

Для блудников, мужеложников, человекоуничижителей (клеветников, скотоложников), лжецов, клятвопреступников, и для всего, что́ противно здравому учению...»

Притч., 17: 23: «Нечестивый берет подарок из пазухи, чтобы извратить пути правосудия».

Притч., 21: 15: «Соблюдение правосудия – радость для праведника и страх для делающих зло».

В третьем послании неизвестный зашел с другой стороны:

«762a89z012@anonymail.com

От: 6 февраля, воскресенье, 22.47

Кому: j.afrika@saps.gov.za

Кас.: Ханнеке Слут – на вашей совести.

У вас три недели на то, чтобы арестовать убийцу Ханнеке Слут. Процесс пошел; справедливость восторжествует.

Я предупреждал вас дважды, но вы ничего не сделали. Поэтому все последствия возлягут не на мою, а на вашу совесть и на совесть убийц, ваших любимцев коммунистов. Вы не оставляете мне выбора.

Да восторжествует правосудие!»

И наконец, предпоследнее послание, отправленное 13 февраля, в субботу, тринадцать дней назад:

«Екк., 3: 1: «Всему свое время, и время всякой вещи под небом».

Екк., 3: 3: «Время убивать, и время врачевать; время разрушать, и время строить».

Екк., 3: 8: «Время любить, и время ненавидеть; время войне, и время миру».

Гриссел снова разложил перед собой все послания в ряд, перебегая взглядом от одного к другому.

Потом он еще раз перечитал каждое.

4

Закончив, он подпер подбородок руками и задумался.

Во-первых, даты отправки... Интервалы все время сокращались. От первого послания до второго прошла неделя. От второго до третьего – шесть дней. От третьего до четвертого – пять. По убывающей. А потом четкий ритм нарушился.

Далее, почти все письма отправлены поздно ночью.

В первом и втором посланиях намекается на некоего «коммуниста». В единственном числе. Потом на смену «коммунисту» пришли «убийцы» и «любимцы». Но в последнем письме аноним снова вернулся к одному «убийце».

Он охотно цитирует Библию – ищет самооправдание в религии? Считает себя крестоносцем, который борется с неверными? Стил последнего письма отличается от предыдущих. Он мощнее, увереннее. И целеустремленнее. Незнакомый стрелок увидел цель.

Джон Африка и Зола Ньяти считают, что письма написал психически неуравновешенный человек. Их можно понять. Все признаки душевного расстройства налицо. Безумцы любят действовать по ночам. С течением времени они становятся все настойчивее и навязчивее. Они звонят и дышат в трубку, разговаривают не представляясь или прячутся за ничего не говорящими псевдонимами. Зачастую их послания полны расистских высказываний, они сторонники «теорий заговора» или предупреждают о грядущем Судном дне, о мести богов стране грешников.

Совсем как их стрелок.

Потом они жадно следят за публикациями в СМИ, за передачами по радио и телевидению. Они живо реагируют на все статьи и передачи, цитируют их, искажая смысл.

Вот здесь стрелок отступает от общего канона.

Почти все безумные любители пообщаться со стражами порядка выдумывают себе псевдонимы, связанные с мифологией, астрологией или внушающие благоговейный ужас.

В отличие от стрелка.

В каждом новом письме он избирает новую тактику. Перед последним, окончательным посланием он вдруг на две недели замолчал. Кстати, и последнее письмо он отправил не ночью, а утром, за двенадцать часов до того, как отправился на охоту.

В последнем послании содержится намек на какой-то мотив: *«Вам известно, за что ее убили»*.

Стрелок выполнил свою угрозу. Он не испугался гнева представителей ЮАПС и ранил полицейского. И обещает продолжать в том же духе.

Здесь что-то не так.

Гриссел одно за другим сложил послания в папку и придвинул к себе материалы по делу Слут. Раскрыл пухлую папку. Ему хотелось начать с самого начала, как полагается: взглянуть на место преступления, на снимки, на протокол вскрытия, на результаты судебно-медицинской экспертизы...

Кто-то постучал в дверь, тихо и словно извиняясь.

Гриссел, выведенный из глубокого раздумья, крикнул:

– Войдите!

* * *

«Ястребы» прозвали бригадира Мусада Мани Верблюдом. Один из детективов УРОВП узнал от своего друга-мусульманина, что в одном из арабских диалектов слово «мусад» означает «дикий верблюд». А когда главой отдела по борьбе с особо тяжкими преступлениями

назначили высокого, поджарого полковника Зола Ньяти, который к тому же ходил медленно, важно, слегка наклонившись вперед, его тут же прозвали Жирафом.

Именно Жираф и просунул сейчас голову в кабинет Гриссела, его бритая голова блеснула под яркими лампами дневного света.

– Нет, Бенни, не надо, не вставай... – Полковник Ньяти подошел к столу, вертя в тонких пальцах ключи от машины. – Вот, бери служебную БМВ.

– Спасибо, сэр!

– Бенни, ты ведь знаешь, мы здесь одна семья.

– Да, сэр!

– Тебе известно, что мы работаем... ведем следствие... сообща, вместе.

– Да, сэр. Только вначале я хочу изучить досье...

– Я все понимаю, Бенни. Но, когда будешь готов, пожалуйста, задействуй наших ребят. Я уже поставил в известность Вона, он ждет...

– Да, сэр.

Ньяти побарабанил пальцами по досье и вдруг понизил голос.

– Слушай, Бенни, ты – ветеран, – доверительно произнес он. – Не мне тебя учить... – Полковник замялся, поднял голову, посмотрел Грисселу прямо в глаза. – Если что, иди сразу ко мне. Или к бригадиру. Если поймешь, что здесь что-то нечисто, сразу обращай к нам...

Гриссел не знал, что ответить.

– Бенни, ты меня понимаешь?

– Да, сэр! – ответил он в надежде, что позже сумеет во всем разобраться.

– Вот и отлично!

Ньяти развернулся и зашагал к двери, но, остановившись на пороге, посмотрел на Гриссела и добавил:

– Удачи тебе!

Ньяти ушел, а Гриссел еще долго сидел и смотрел на дверь. Мани и Ньяти тоже бросили на дело вдруг, без подготовки. Сам Африка попросил их заняться убийством Слут, он даже лично приехал на совещание. Они подыгрывали ему, но осторожно.

Бенни покачал головой. Политика – не его любимая игра.

Гриссел оценил жест Ньяти. И все же он пока не очень-то верил в то, что «Ястребы» – «одна большая семья» и «работают сообща». Он не успел прослужить в новом элитном подразделении и трех недель и только недавно узнал, что аббревиатура ООЦ означает «Объединенный оперативный центр». В него входят руководители групп и детективы различных подразделений УРОВП, которых определили под начало к одному командиру, назначенному для расследования определенного дела. Лично Гриссел считал, что избыток помощников скорее вредит. Он привык работать с одним напарником, но чаще справлялся и один, особенно в прошлом году, когда его перевели в подчинение к Африке.

Он глубоко вздохнул. По-прежнему непонятно, зачем Африка перевел его к «Ястребам».

Он достал из досье снимки места преступления и разложил их перед собой на столе в несколько рядов. Вот увеличенное цветное фото жертвы. Ханнеке Слут лежала на мраморном полу, у колонны. Запекшаяся кровь резко контрастировала с ее белым платьем без рукавов и светло-серым полом. Она лежала на спине, прижав правую руку к ране. Видимо, в последние секунды жизни пыталась остановить сильное кровотечение. Левая рука лежала на отлете, ладонью вверх, затылок в луже крови. Темные волосы упали на лицо, закрыв глаза и нос. Виден только рот. Полные губы, темно-красная помада, почти того же цвета, что и кровь.

Обуви на жертве нет, платье задралось, ноги оголены значительно выше колена. Похоже, что рана всего одна; ее ударили в грудь, чуть правее сердца.

Грисселу захотелось лучше изучить место преступления, и он стал разглядывать фотографии одну за другой. Квартира была новая, современная, стены и единственная колонна

белоснежные, пол серый, блестящий. Большие окна, не занавешенные шторами, выходили на широкий балкон, откуда открывался вид на разноцветные дома малайского квартала Бо-Кап и на Сигнальную гору.

Помещение, в котором лежала жертва, было очень просторным, свободной планировки. Чуть поодаль располагалась гостиная зона; приземистые, стильные диван и кресла стояли на белом ворсистом ковре. На длинной стене – одна большая картина без рамки. Абстракция! Гриссел такого искусства не понимал. Сплошные пятна и полосы белого и серого цвета, похожие издали на сфотографированные с высоты птичьего полета морские волны. На стеклянном кронштейне – аудиосистема с двумя маленькими колонками.

В дальнем от лежащей Слут углу располагалась винтовая лестница, которая вела на второй этаж. Покрытые лаком деревянные ступени окаймляли узкие стальные перила. У окна стоял белый телескоп на треноге, его объектив был направлен на город.

За колонной Гриссел разглядел небольшой кухонный уголок – современные шкафчики с матовыми оливковыми дверцами и прямоугольный хромированный холодильник. Входная дверь находилась в трех метрах слева от кухни и в четырех от того места, где лежал труп Хан-неке Слут.

Он посмотрел на последний ряд фотографий: две спальни на втором этаже. Судя по всему, сама Слут обитала в спальне побольше. Там царил идеальный порядок. Широкая двуспальная кровать на квадратном белом каркасе застелена белоснежным бельем; две темно-коричневые подушки отлично сочетаются с прикроватными тумбочками темного дерева.

Признаком того, что комната обитаема, служил только письменный стол с гладкой белой деревянной столешницей на двух коричневых опорах. На столе стоял ноутбук, рядом с ним лежали папки, одна из которых была раскрыта. Тут же лежала авторучка с отвинченным колпачком. На три четверти пустой бокал красного вина и айфон. Коричневый стул на высоких ножках отодвинут и слегка развернут вбок. Коричневый торшер справа включен.

Вторая спальня оказалась значительно меньше первой. В ней стояла незастеленная односпальная кровать, на ней заклеенные картонные коробки. Кроме кровати, во второй спальне была пустая белая книжная полка и два скатанных персидских ковра.

Он взял папку с делом Слут и положил перед собой, на фотографии. Как принято в ЮАПС, материалы были расположены в систематическом порядке. В разделе А содержались протоколы осмотра места преступления и трупа, протокол вскрытия, протоколы свидетельских показаний и фотографии; в разделе Б – переписка между различными отделами ЮАПС и прочими заинтересованными сторонами, например банками и работодателями; в разделе В содержался журнал расследования по форме номер 5 со ссылками на документы из раздела А.

Найдя в разделе А протокол вскрытия, Гриссел вздохнул с облегчением. Вскрытие производил Фил Пейджел. Более умного человека Бенни в жизни не встречал. Пейджел много лет проработал патологоанатомом; работал кропотливо, вдумчиво, не упускал ни одной мелочи. Но главное, Пейджел так формулировал фразы, что их без труда понимали даже детективы, далекие от медицины. В конце Пейджел всегда составлял резюме, значительно облегчавшее следователям жизнь – на нормальном человеческом языке, по пунктам, коротко, ясно и содержательно.

Гриссел прочел:

«– Время смерти: 18 января, вторник, в интервале между 20.00 и 0.00. Скорее всего, смерть наступила около 22.00.

– Причина смерти: массивное кровотечение, вызванное единичной колотой раной в область грудной клетки (8 мм над четвертым ребром, 20 мм левее грудины (gladiolus), через левую долю печени и нижнюю полую вену (большую вену, открывающуюся в правое предсердие и собирающую венозную кровь от нижних частей тела) к 7-му грудному позвонку).

– Характер повреждений и орудие убийства. Характер раны позволяет предположить, что орудием убийства служил колющий предмет, скорее всего с заостренным концом (очень ровный угол) и двойной, асимметричной режущей кромкой (ромбическое сечение?). Клинок, скорее всего, прямой. По предварительной оценке, ширина лезвия от 6,5 до 7,5 см, толщина – 1,5 см, длина – более 20 см (нет кровоподтека от соприкосновения с рукоятью). Удар был нанесен под углом от 85 до 105°; в момент нанесения удара жертва стояла.

– Единичный удар, приведший к смерти, и полное отсутствие оборонительных ран на руках жертвы указывают на чрезвычайную силу удара, на чрезвычайно острую режущую кромку или на сочетание обоих факторов (неожиданное нападение? Самодельное оружие? Асгейт? Сувенирный кинжал? Меч?).

– Характер повреждений и подозреваемый. Вероятно, подозреваемый на 200–400 мм выше жертвы (размер оружия, траектория удара, возможность нанести удар большой силы). Дальнейшим выводам препятствуют единичная рана и неизвестное орудие убийства.

– Раневое отделяемое: нет.

– Сексуальное насилие: признаков не обнаружено».

Стараясь ничего не забыть, Гриссел снова осмотрел фотографии места преступления. Жертве нанесли всего один удар. Она лежала в четырех метрах от входной двери. Нет оборонительных ран на руках, свидетельствовавших о том, что она пыталась защищаться.

По словам бригадира, признаков ограбления тоже не обнаружили. А Пейджел пришел к выводу, что нет и признаков сексуального насилия – видимо, на теле отсутствовали следы спермы и кровоподтеки.

Интересно, кто нашел жертву. Как охраняется ее дом?

Гриссел полистал раздел А в поисках свидетельских показаний и наткнулся на неподшитый белый конверт формата А4, засунутый между фотографиями. Кто-то надписал на нем синей ручкой всего одно слово: «Слут».

Гриссел вскрыл конверт и увидел три большие цветные фотографии живой Ханнеке Слут. Они настолько заинтересовали его, что он тут же забыл, что искал.

Все три снимка оказались студийными; ее снимал профессиональный фотограф. На первом – только голова, правое плечо и часть руки. На ней было тонкое белое платье, выделявшееся на гладкой, загорелой коже. Голова была повернута вправо, она смотрела вниз, полузакрыв глаза. Половина лица оказалась в тени, что подчеркивало полные губы и крепкие скулы. На лицо падала прядь волос до самого подбородка. Плечо и предплечье – мускулистые, но женственные. Серый задник интересной фактуры, он слегка размыт, не в фокусе.

Общее впечатление чувственности.

Ханнеке Слут была красивой женщиной. Она прекрасно понимала, какое впечатление производит на мужчин. Видимо, ей это нравилось; на фото она чуть-чуть рисовалась.

На втором снимке ее запечатлели до пояса; голова чуть склонена, темные глаза смотрят в объектив. Она, видимо, была улыбчивой – Гриссел заметил узкую щель между ее передними зубами. Волосы на втором снимке были собраны на затылке. В низком вырезе тонкой блузки как бы невзначай виднелась упругая, полная грудь.

Третий снимок оказался в стиле ню – на темном фоне. Художественное фото, сделанное с большим вкусом. Свет падал сзади и справа, Слут стояла чуть отвернувшись. Выделялись щека, кончик носа, крупная круглая серьга в ухе, стройная шея, плечо, одна грудь идеальной формы и нога.

Гриссел решил, что снимки были сделаны недавно; на них Ханнеке Слут выглядела зрелой, вполне соответствующей своему возрасту – тридцать три года по материалам дела.

Он разложил снимки в ряд. Снова посмотрел на них. Ради кого или для чего она так старалась? Наверное, не один час подбирала нужную одежду, советовалась с фотографом. Да и сама съемка должна была занять немало времени.

А ведь жертва была юристом, специалистом по корпоративному праву.

И грудь... Неестественно большая, идеальной формы. Как будто она специально увеличила ее с помощью пластической операции... Для кого? Интересно, для кого она заказала такие фото?

Гриссел не мог отвести глаз от женщины на снимках.

Вдруг пронзительно заверещал его мобильный телефон.

Он вернулся в настоящее, испытывая смутное чувство вины; телефон удалось найти не сразу. Он лежал в кармане куртки, висевшей на стуле. На дисплее высветилось: «Алекса».

Черт! Надо было самому позвонить ей. Он посмотрел на часы. Почти одиннадцать!

– Алекса, мне так жаль... – начал он.

– Нет, это не Алекса, – довольно враждебно ответил незнакомый мужской голос. – Она просила, чтобы вы за ней приехали.

– Где она?

– Она пьяна, сэр. Пьяна в стельку.

5

Прижав к груди дело, он побежал к машине. Конечно, он сам во всем виноват. Он бросил ее, оставил одну, ничего толком не объяснив. Алекса продержалась сто пятнадцать дней, и вот теперь сорвалась. Из-за него...

Он открыл БМВ-130i, бросил дело на заднее сиденье, в досаде хлопнул дверцей сильнее, чем требовалось, сел за руль и тронулся с места.

Он не имел права забывать о том, что Алекса начала пить именно из-за страха сцены. А ведь сегодня ей тоже пришлось выступать на публике – в определенном смысле. Она впервые за много лет появилась в кругу своих бывших коллег по музыкальному миру, вспомнила об огнях рампы. Надо было заранее все предусмотреть и лучше следить за собой. Тогда он не выругался бы при виде своих кумиров и не опозорил Алексу. А еще надо было ответить бригадиру, что сию минуту он приехать не может, и, перед тем как мчаться на работу, завезти Алексу домой. Но нет, он тогда думал только об одном: как он сам оплошал. Болван, чертов идиот полицейский!

Что с ним не так? Он вспомнил, как предостерегал его доктор Баркхёйзен: «Будь осторожнее, Бенни, ты не продержался еще и года. Два алкоголика... риск удваивается».

Он тогда бурно возражал: мол, они с Алексой только друзья, он поддерживает и подбадривает ее. Они вместе посещают собрания «Анонимных алкоголиков». А доктор в ответ лишь покачал головой и повторил: «Будь осторожнее».

И как же он поддержал ее сегодня? Надо было слушать доктора. Док Баркхёйзен прекрасно понимал, что Бенни лукавит, называя их с Алексой отношения «дружескими». Док Баркхёйзен давно догадался, что Алекса нравится Бенни. С каждым днем все больше и больше.

До сегодняшнего вечера Бенни казалось, что и он нравится Алексе. А сейчас? Сейчас он все испортил.

Ну почему с ним так всегда? Когда его жизнь была простой? Никогда! Ему сорок пять; в таком возрасте положено достигать гармонии с самим собой, становиться мудрым и смиренным. В сорок пять нормальные люди отбрасывают все свои недостатки и заблуждения. Все, но только не он. Его жизнь – постоянный хаос. Бесконечный поток бедствий, непрекращающаяся борьба за выживание. Победить он просто не может; стоит преодолеть одну преграду, как впереди появляется другая. И он топчется на месте, не двигаясь.

Только недавно, месяц назад, он начал смиряться с мыслью о разводе, попытался привыкнуть к тому, что между ним и Анной все кончено. Кончено раз навсегда. Ему по-прежнему неприятно было думать о том, что она полюбила другого – адвоката. Чтоб его, этого адвокатишку... Бенни работал над собой, доказывая себе, что так лучше для всех.

Их отношения свелись к тому, что Бенни платил свою долю за дом и за учебу Карлы. Он почти смирился, хотя ему было обидно. Казалось, что его обирают. Хотя они с Анной зарабатывают примерно одинаково, он платит гораздо больше.

Последние несколько недель он очень старался влиться в новый коллектив, стать своим для «Ястребов». Новые сослуживцы, новые отношения, субординация... Да еще новые-старые звания. Приходится вспоминать, как правильно к кому обращаться. Почти всех приходится называть по-новому, кроме него: капитан – он капитан и есть. Но и с этим он тоже смирился.

И с детьми волнений хватает. Карла учится на факультете театрального искусства Стелленбошского университета. Подумать только – театра ей захотелось! Как будто в ее жизни мало было драм... Отец-алкоголик, развод родителей... И где девочка потом найдет работу? И Фриц, у которого в этом году выпускные экзамены в школе. Он ведь может и завалить их, потому что все свободное время проводит с группой Джека Пэроу, в которой играет на гитаре... Они исполняют хип-хоп или рэп. Фриц ругается хуже полицейского, и слова ему не

скажи. Зато у Фрица талант – Джек лично обратился к нему и позвал в свою группу. Бенни уже примирился с тем, что мир изменился, что сегодня у детей есть выбор, что они по-разному понимают, что значит «хорошая профессия».

Он примирился со многим. И ему уже начало казаться, что жизнь налаживается. И вот за один вечер он ухитрился испортить все. Он выругался в присутствии трех человек, которых безмерно уважал: Антона Госена, Лизе Бекман и Алексы Барнард. Чем довел последнюю до срыва.

Придется ему примириться и с этим. Он – полный козел, долбаный придурок... Бенни с трудом заставил себя прекратить. Он опять за старое... В том-то и трудность, из-за его несдержанности на язык сегодня и начались все беды. Здесь же, сейчас же он должен положить этому конец. Хватит ругаться! Пить он бросил. Теперь он бросит выражаться!

А завтра, когда Алекса протрезвеет, он расскажет ей о деле Слут, попросит у нее прощения и попросит позвонить тем двоим. Она объяснит Лизе и Антону, как Бенни восхищается ими. А с языка у него сорвалось... от смущения. Наверное, не он один такой.

Потом он вспомнил, как красиво выглядела Алекса, и о своей мимолетной мечте, которая посетила его на пороге ее дома. Он надеялся, что сегодня ему повезет. Повезло, как же! Он даже фыркнул от презрения к себе, ко всему окружающему миру, к служебной БМВ и к шоссе N1. Его б... жизнь... Черт, опять! Его проклятая жизнь никогда не бывала простой.

Едва он остановился у театрального центра «Артскейп», как зазвонил его мобильник. Должно быть, опять управляющий – насчет Алексы. Он поспешно ответил, желая сообщить, что уже приехал:

– Гриссел!

– Капитан, говорит Томми Нкхеси из Грин-Пойнта, – слышался из трубки робкий голос.

Бенни не сразу сообразил, кто такой Томми Нкхеси. Потом вспомнил – следователь, который вел дело Слут.

– Слушаю вас, Томми.

– Капитан, мне приехать к вам?

– Нет... – Гриссел вдруг сообразил, что Томми Нкхеси, наверное, давно ждет его звонка, ведь Джон Африка просил всех помогать ему. – Извините, Томми, я должен был сразу вам позвонить... – Гриссел представил, что ждет его впереди, с Алексой. – Нет, сегодня никуда приезжать не надо... Может быть, мы встретимся завтра?

– Значит, сегодня я вам не нужен?

– Нет, спасибо большое...

– Ну, тогда ладно, – с облегчением сказал Томми.

– Спасибо... – И вдруг Гриссел вспомнил, что он хотел взглянуть на место преступления. – Томми, ключи от квартиры Слут еще у вас?

– У меня, но не при себе.

– Может быть, завтра утром? Мы могли бы вместе еще раз взглянуть на ее квартиру... – Гриссел прекрасно понимал, какие чувства сейчас испытывает Нкхеси, – он и сам не раз бывал в его положении. Поэтому он быстро добавил: – Ведь главный по делу Слут – вы. Мне очень важно узнать ваше мнение.

– Хорошо, капитан. Во сколько?

– В девять вам подойдет?

– Да, капитан. До встречи, спасибо!

Гриссел сунул телефон обратно, в карман.

Ему придется быть начеку.

Увидев ее в кабинете управляющего, он испытал шок. Косметика поплыла, волосы падали на лицо неопрятной массой, вырез платья съехал слишком низко, одна сандалия валялась сбоку. Она сидела в кресле, широко разведя ноги, положив локти на колени, и раскачивалась из стороны в сторону.

– Алекса...

Она медленно подняла голову. Бенни сразу понял, что она сильно пьяна. Ей с большим трудом удавалось смотреть в одну точку. Потом ее лицо медленно сморщилось. Она попробовала выпрямиться, но ничего не получилось. Она горько расплакалась.

Он подошел к ней, помог ей встать, кое-как поправил платье. Алекса повисла на нем, обхватила его обеими руками. От нее пахло духами и джином.

– Я приехал, я с тобой, – сказал Гриссел. – Прости меня! – Он обнял ее и крепко прижал к себе.

Она уткнулась лицом ему в шею, и он почувствовал, как по нему текут горячие слезы.

– Я т-такая... – с трудом произнесла она. – Т-такая неудачница, Бенни!

– Нет, – возразил он.

Управляющий нагнулся, подобрал с пола сандалию, снял с кресла маленькую сумочку-клатч. Неодобрительно морщась, протянул вещи Бенни. Сандалию он брезгливо держал на сгибе указательного пальца, как будто она была заразная.

Бенни взял сандалию и сумочку. Алекса обмякла.

– Пошли, – ласково сказал он. – Поехали домой!

* * *

В машине она прижалась лбом к стеклу и с трудом заговорила:

– Я н-незванная гостья, Бенни. Вот кто я такая... они з-знают... – Она с трудом открыла сумочку, достала сигареты. Зажигалка упала под сиденье.

Ему не хотелось видеть ее такой, потому что она стала такой из-за него. Он искал слова раскаяния, хотел утешить ее, но с трудом выдавил из себя лишь:

– Мне так ужасно жаль!

Алекса его как будто не слышала. Поискала на полу зажигалку, махнула рукой, откинулась на спинку сиденья и забормотала:

– Они смотрели сквозь меня!

Она повторяла одно и то же снова и снова, заливаясь пьяными слезами.

Зазвонил его мобильник. Господи, что там еще? Гриссел нажал кнопку «Прием вызова».

– Бенни, это Джон Африка. Клуте говорит, что небольшая статья появится на четырнадцатой полосе воскресного «Аргуса» и в Интернете; для всего остального мы уже опоздали. В общем, мы в полном дерьме. То есть... сам понимаешь: тебе придется поторопиться. Пока отложи все остальные дела.

– Есть, генерал!

– Хорошо. – Африка отключился.

– Они смотрели сквозь меня, – повторила Алекса.

Бенни остановил машину перед ее домом, отыскал в ее сумочке ключ от входной двери. Вышел.

– Не бросай меня! – взмолилась она детским голосом.

Он нагнулся:

– Я сейчас к тебе вернусь, только отопру дверь.

Алекса смотрела на него так, словно увидела в первый раз.

– З-знаешь, я алкоголичка.

Гриссел кивнул, быстро поднялся на крыльцо, отпер дверь, вернулся к машине, распахнул пассажирскую дверцу:

– Давай-ка в дом.

Вместо ответа, она снова начала раскачиваться.

– Алекса, прошу тебя!

Она нехотя подняла левую руку. Бенни нагнулся, закинул ее руку себе на спину, поднял ее и выволок из машины. Алекса не держалась на ногах. Пришлось почти тащить ее на себе. Они с трудом протиснулись в калитку, потом поднялись на крыльцо. Войдя, Бенни включил свет. Потом медленно повел ее на второй этаж. Пока поднимались, Алекса сбросила и вторую сандалию. Наконец они добрались до ее спальни. Бенни усадил ее на кровать. Она тут же упала на бок, положив голову на подушку. Он включил ночник и застыл в нерешительности.

Надо бы принести из машины ее сумку. А машину запереть.

Губы ее зашевелились, она что-то прошептала.

– Алекса...

Он наклонился ниже, стараясь расслышать, что она говорит. Но она не говорила. Она пела. Ту песню, которая когда-то ее прославила: «Пресная вода». Она пела тихо, почти неслышно, но идеально, не фальшивя, своим неповторимым, богатым голосом.

Стаканчик солнечного света,
Кубок дождя,
Глоточек веры,
Немного боли.
Пей пресную воду!

– Пойду запру машину, – сказал он.

Ответа не последовало.

Он быстро вышел. Спускаясь по лестнице, он вспомнил, что, напившись в последний раз, она пыталась покончить с собой. После того как узнала о смерти мужа.

Придется ему сегодня переночевать у нее.

Гриссел достал из машины сумочку, сигареты и зажигалку Алексы и свои документы. Потом он запер машину и быстро зашагал обратно.

С ее неуклюжей помощью он вынул у нее из ушей серьги и положил на прикроватную тумбочку.

– Попробуй поспать, – посоветовал он.

Алекса посмотрела на него совершенно трезвым взглядом. Она как будто пришла в себя. Потом губы ее слегка разомкнулись, она обхватила его шею руками, притянула к себе и поцеловала. От нее сильно пахло джином. Она повалилась на кровать, увлекая его за собой.

Он положил руки ей на плечи и осторожно, но настойчиво отодвинулся.

Она заплакала:

– Ты тоже меня не хочешь!

– Хочу, – ответил он, – но не так.

Ему с трудом удалось подсунуть ей под голову подушку. Потом он осторожно взял ее за ноги и полностью уложил ее на кровать. Алекса повернулась к нему спиной. Он обошел кровать кругом, укрыл ее краем широкого покрывала.

Целых десять минут он стоял рядом и слушал ее дыхание. Постепенно оно выравнилось. Алекса заснула.

Гриссел посмотрел на часы. Десять минут первого. Наступило воскресенье.

День второй Воскресенье

6

Почти до половины четвертого он просидел в соседней спальне, изучая материалы дела Ханнеке Слут.

Куртку он снял и повесил на крючок за дверь, расстегнул рубашку и закатал рукава. Работать с делом пришлось за туалетным столиком, сидя на табурете. Но сначала ему долго не удавалось сосредоточиться, потому что он думал об Алексе. «Они смотрели сквозь меня». Как она может так думать? Ведь он своими глазами видел, как ей все обрадовались. Она держалась легко, непринужденно, казалось, ей весело и хорошо.

И все же в ней тоже есть червоточинка... Она не уверена в себе. Всю жизнь она мечтала петь, добиться успеха, не слишком веря в него. И муж, который ей изменял, нанес ей огромный ущерб. Да, он изменял ей – а потом его убили, что тоже не способствовало повышению ее самооценки. И все же больше всего ей навредил алкоголь. Четыре месяца воздержания пошли прахом. Теперь ей придется взглянуть в глаза собственной слабости и осознать, что она недостаточно сильна. А потом встать и начать все сначала...

Она тихонько пела «Пресную воду», и в душе у Гриссела все переворачивалось. В ее голосе угадывалась тоска, тоска по прошлому, когда все было хорошо и правильно. А он знал – прошлое уже не вернешь, как ни старайся. Вот почему в тот миг ему хотелось заплакать вместе с ней. Ущерб не поправишь уже никогда.

Он не мог забыть и ее губ, от которых так маняще пахло спиртным. Боже, этот запах сводил его с ума! Когда Алекса целовала его, он думал вовсе не о том, как ему хочется заняться с ней любовью – хотя ему хотелось заняться с ней любовью. Но тяга к бутылке оказалась сильнее. Тяга к бутылке и к тому миру, который он покинул меньше года назад, к изменчивому, расплывчатому миру пьянства. Там нет острых углов, там ничто не способно ранить...

В голове прозвенел сигнал тревоги: берегись, с такими мыслями недалеко до беды!

«Будь осторожнее, Бенни, ты не продержался еще и года. Два алкоголика... риск удваивается».

Доктор Баркасен – умный человек. Но теперь Бенни есть что ему ответить. Он скажет, что сегодня ему было еще одно откровение, он кое-что понял. Когда укладывал Алексу спать и укрывал ее. Он испытал держав. Ведь ему уже приходилось все это переживать, только с другой стороны. Он много раз валился на кровать мертвецки пьяным, а его бывшая жена Анна укрывала его одеялом. Она укладывала его спать сочувственно, терпеливо и с любовью. Сколько раз? Сколько вечеров и ночей? И как она столько времени с ним мирилась?

Бенни понял, что начинает себя ненавидеть, что ненависть к себе душит его. Он заставил себя вернуться к работе.

Ханнеке Слут родилась 18 июня 1977 года в Ледибранде, в провинции Фри-Стейт. В 1999 году окончила бакалавриат юридического факультета Стелленбошского университета. В 2001 году приступила к работе в юридической фирме «Силберстейн Ламарк». Сначала была стажером, а с 2002 года ее приняли в штат, в отдел корпоративного права. В 2009 году ее повысили, она стала партнером.

Вплоть до декабря предыдущего года она жила одна в Стелленбоше и каждый день ездила на машине в Кейптаун, на улицу Рибекы, где находится штаб-квартира фирмы «Силберстейн

Ламарк». Ей выделили отдельный кабинет на восьмом этаже. Десять месяцев назад она купила квартиру в строящемся доме номер 36 по Роуз-стрит, взяв в Недбанке ссуду в размере 3 миллионов 850 тысяч рандов. Ее квартиру сдали лишь в декабре прошлого года. 3 января, в понедельник, Ханнеке Слут въехала в квартиру на пятом этаже.

К моменту смерти у нее не было постоянного спутника жизни.

Во вторник, 18 января, она вышла с работы в 19.46. Время ухода отразилось в электронном регистраторе. На следующий день, 19 января, Ханнеке Слут не явилась на совещание, назначенное на девять утра, и ее личная помощница забеспокоилась. По словам помощницы, записанным в протоколе, «Ханнеке никогда не опаздывала. По будням она занималась в фитнес-клубе, а потом ехала на работу. В клуб она приезжала без четверти шесть, а на работу успевала к четверти восьмого... Я позвонила ей на мобильник, потому что стационарный телефон к ней еще не провели. Она не ответила, и я поняла: с ней что-то случилось. Такого раньше никогда не было. Я посоветовалась с мистером Прейсом и в 9.40 поехала к ней домой. Дверь мне никто не открыл. Я спустилась в подземный гараж; ее машина стояла на месте. Найти смотрителя мне удалось только в 10.20, но открыть ее квартиру он отказался. Я позвонила на работу, и мистер Прейс связался со своими знакомыми из полиции. Около 11.00 приехали двое полицейских и приказали смотрителю отпереть дверь. Мы нашли ее мертвой».

Два констебля, обнаружившие труп, на месте констатировали смерть Слут, после чего передали дело в участок «Грин-Пойнт». В 11.35 на место преступления приехали Томми Нкхеси и сержант Вернон Апрель. Они же вызвали экспертов-криминалистов и патологоанатома.

* * *

В протоколе осмотра места происшествия глаз зацепился лишь за две странности. Во-первых, судя по всему, ручки входной двери тщательно вытерли как изнутри, так и снаружи. Во-вторых, в душевой кабине обнаружили мужской лобковый волос – по мнению эксперта, он принадлежал белому мужчине. И все же одного волоска недостаточно для анализа ДНК.

В квартире обнаружили десять комплектов отпечатков пальцев, принадлежащих разным людям... «Скорее всего, отпечатки оставили грузчики, которые 3 января перевозили мебель и картонные коробки», – сообщалось в протоколе. Шесть отпечатков принадлежали соответственно Ханнеке Слут, смотрителю дома, который неделю назад приходил чинить кран, и четырем грузчикам из компании по перевозкам. Их удалось найти. Отпечатки на ноутбуке и на бокале в спальне принадлежали жертве.

«Анализ брызг крови показал, что жертве нанесли смертельную рану примерно в 3,8 м от входной двери и в 0,6 м от того места, где обнаружили ее тело».

И все. Ни частиц пыли или почвы, ни следов. Не было и отпечатков губ, остатков пищи, химических веществ, следов ДНК, которые можно было подвергнуть анализу.

Эксперты открыли личную страницу Слут на «Фейсбуке». Проверили ее электронную переписку в компьютере и в мобильном телефоне, но все безрезультатно. Почти все письма, звонки и текстовые сообщения 18 января имели отношение к работе. Исключение составляла ее переписка с двумя подругами. Кроме того, ей звонили из «Магазина на диване», но она почти сразу нажала отбой. За десять месяцев до гибели Ханнеке Слут разорвала отношения со своим тогдашним спутником, неким Эганом Рохом. Это подтверждали и показания самого Роха: «С тех пор как мы расстались, прошел почти год. В то время мы практически не общались».

Гриссел начал понимать, почему следствие зашло в тупик. Все опрошенные дружно пели одну и ту же песню: мы не представляем, кто мог желать ей смерти.

Он перешел к показаниям ее коллег, решил посмотреть, как складывались ее отношения на работе. Перед тем как Ханнеке Слут убили, она занималась подготовкой сделки, по которой компания «Ингцебо ресорсез лимитед» должна была приобрести пакет акций в холдинге «Гарьеп минералз лимитед». Юридическая проверка шла целых тринадцать месяцев. Со стороны «Силберстейн Ламарк», помимо Слут, сделку готовили еще шесть сотрудников; кроме того, заинтересованными сторонами являлись организатор сделок, четыре банка, компания-гарант и еще две юридические фирмы.

«Наша юридическая фирма представляет интересы Торгового банка ЮАР, – прочел Гриссел в показаниях мистера Ханнеса Прёйса, директора «Силберстейн Ламарк». – В числе прочего, наши клиенты консультируют стороны по общим вопросам, а также выступают одними из гарантов. В нашу задачу входила, по сути, оценка рисков – работа сложная, кропотливая, монотонная. Речь идет в основном о договорном и административном праве. Ханнеке была одним из шести партнеров с нашей стороны».

Гриссел решил, что подготовка сделки – дело нудное, без каких-либо тайн и острых ощущений.

Судя по состоянию банковского счета, Слут прилично зарабатывала и прилично тратила. Ее финансовое положение оставалось достаточно стабильным. С этой стороны также ничто не выглядело странным.

В двадцать минут третьего Гриссел понял, что больше не в состоянии прочесть ни слова. Он аккуратно сложил документы в папку. Подошел к двери Алексы и прислушался. Она спала.

При гостевой спальне тоже имелась ванная комната. Он сходил в туалет, умылся. Потом вернулся в комнату, разделся, поставил будильник на мобильном телефоне на семь утра и лег в постель, придавленный усталостью. Длинный день!

Голова никак не желала отключаться.

Что-то в деле Слут не давало ему покоя. Это не была какая-то явная погрешность, всего лишь смутное впечатление. Он представил себе следователя, который вел дело. Он осмотрел все, что нужно, задал все необходимые вопросы. Действовал тщательно, аккуратно, по инструкции. Как будто запрещал себе включать интуицию, чутье. Гриссел прекрасно помнил, как ведется предварительное следствие. Методика отработана давно. Опросы начинают с ближайших родственников и знакомых жертвы; если ничего не удастся выяснить, расширяют круг поисков. И наконец наталкиваются на противоречие, несоответствие – на какую-нибудь фальшивую ноту. И роют в подозрительном месте, сосредотачиваются на нем, надавливают сильнее. В девяти раз из десяти подозрения подтверждаются.

Вдохновение... чутье.

Ничего подобного он не обнаружил в деле Слут. Конечно, сейчас неправильно учат сотрудников уголовного розыска, которые работают «на земле», на участках. Акцент в подготовке делается на данные экспертизы и достижения техники, а это неправильно. Главное – интуиция! Ну и, конечно, сказывается недостаток опыта. В участки приходят совсем молодые детективы, им приходится притираться к коллегам, представителям разных культурных и языковых групп, и они подвергаются давлению со всех сторон. Они стараются как могут, но...

Об ограблении речь не идет. Ноутбук и сотовый телефон остались в спальне, на письменном столе... Хотя никто не может сказать, пропало ли что-то из квартиры, скорее всего, мотив – не кража.

А умерла она все же не у самой двери. Тело лежало почти в четырех метрах от входа, а судя по анализу брызг, удар нанесли не менее чем в трех метрах от двери. Спереди. Жертва не пыталась развернуться или убежать – она смотрела на нападавшего, но не защищалась. Не боролась за жизнь. В силу привычки Гриссел механически воспроизвел в голове сцену нападения. Вот она открывает дверь. Видит, кто пришел. Отступает...

Но почему она не защищается?

Ручки входной двери вытерли снаружи и изнутри.

До прихода убийцы Ханнеке Слут работала наверху, у себя в спальне. Там стоял бокал вина, компьютер, лежали папки.

Что-то не сходится.

И еще снимки... Слут специально заказала их профессиональному фотографу. Очень специфические снимки. Особенно тот, в стиле ню.

С другой стороны, в прошлом году у нее не было ни с кем серьезных отношений. Странно... Вот что не давало покоя Бенни.

Может быть, для романов у нее просто не было времени? Каждый день она выходила из дому в шесть утра и ехала в фитнес-клуб, оттуда – на работу. Домой возвращалась часов в восемь вечера. В прошлом году, до переезда в Кейптаун, она еще каждый день ездила в Стелленбош, то есть возвращалась еще позже.

Все это очень хорошо. Но тогда зачем делать такие снимки? Зачем нужно было тратить столько усилий?

Надо не забыть спросить Томми Нкхеси, где он нашел фотографии. Где она их держала?

Гриссел упорно заставлял себя думать о деле, потому что иначе в голову лезли мысли о его недавнем фиаско. И все же, засыпая, он не без удовольствия вспомнил, что его по ошибке приняли за Пола Эйлера.

Значит, все-таки не такой уж он урод!

7

Ему снилась Лизе Бекман. Они гуляли по оживленной улице, и он все пытался ей объяснить, почему при ней так нелепо повел себя. Но Лизе Бекман не обращала на него внимания. Потом она исчезла, растаяла в толпе, и прохожие смотрели на него с большим неодобрением.

Разбудил его звонок будильника на мобильном телефоне; он сел на кровати, не сразу сообразив, где он.

Он увидел на туалетном столике папку с делом, и в голове постепенно всплыло все, что было вчера. Он потерял глаза. Медленно встал, оделся, зашел в ванную, где сходил в туалет и умылся. Потом осторожно заглянул в спальню Алексы.

Она еще спала.

Гриссел задумался. Что делать дальше? Надо поехать домой, принять душ, побриться, почистить зубы и позавтракать – вчера вечером он ни крошки не съел. А потом встретиться с Томми Нкхеси у дома Слут. Но не хочется оставлять Алексу в таком состоянии...

Решившись, он отнес дело в машину, нашарил в бардачке блокнот и ручку. Утро было ясное и прохладное, но безветренное; лишь мрачно нависала над городом Столовая гора. Бенни позволил себе ненадолго задержаться у машины и полюбоваться видом. Вернувшись в дом, он присел за туалетный стол во второй спальне и написал ей записку.

«Алекса!

Пожалуйста, прости меня за вчерашнее. Во всем виноват я. Позвони, когда проснешься. Мне очень нужно с тобой поговорить.

Бенни».

Вырвал страницу, на цыпочках зашел к ней в комнату и положил записку на тумбочку, где она непременно ее увидит.

Номер 36 на Роуз-стрит оказался новеньким пятиэтажным домом, построенным в стиле старого Бо-Капа, но с современной «начинкой». Нижние этажи раскрашены ярко, броско, как соседние домики.

Нкхеси ждал его у входа. Он оказался одного роста с Грисселом, но шире в плечах и слегка кривоногим. Из-за очков в черной оправе и коричневого твидового пиджака он показался Бенни похожим на учителя. Поздоровался он вполне дружелюбно и тут же сказал с акцентом обитателя тауншипа¹:

– Ключи у меня есть, но все равно подниматься на этаж придется с охранником.

Он предупредительно распахнул перед Грисселом дверь.

– Томми, извините, что так вышло, – произнес Гриссел, входя.

– Ничего страшного, капитан. Так я и знал, что делом займется «Ястребы».

Подъезд сиял чистотой и красивой отделкой. За стойкой сидели мужчина и женщина в форменных куртках. Нкхеси показал Грисселу камеру на стене:

– Камеру видеонаблюдения и ключи-карточки для лифтов должны были ввести в действие еще в конце декабря, а подключили только в конце января. 18 января подъезд охраняли только сотрудники частного охранного предприятия. Но любой незваный гость мог спокойно проникнуть в дом через подземный гараж – там нет поста охраны.

¹ Тауншипы – поселки при больших южноафриканских городах, которые раньше служили своего рода гетто для чернокожих. (Здесь и далее примеч. пер.)

Он предъявил удостоверение ЮАПС женщине-охраннице и заговорил с ней на языке коса. Та велела им расписаться в журнале, хотя Гриссел никогда не видел смысла в подобных мерах предосторожности. В журнале можно написать абсолютно что угодно!

Охранница повела их к лифту.

– Для того чтобы вызвать лифт, жильцы вставляют вот сюда магнитную карту. – Нкхеси показал слот над кнопкой вызова. – В кабине они нажимают кнопку своего этажа. Подняться можно только на тот этаж, который запрограммирован в вашей карте. На другой лифт не поедет. Вниз, правда, спуститься можно без проблем.

– Но 18 января система еще не работала.

– Да. Ее подключили через два дня после убийства. – Нкхеси покачал головой.

Охранница нахмурилась. Нкхеси поправил очки.

– Убийство очень плохо сказалось на репутации дома, половина квартир еще не раскуплена.

У двери, вставив ключ в замок, Нкхеси сообщил:

– Все оставили в точности как было, потому что дело не раскрыто. Сейчас на муниципалитет давят юристы. Они торопят нас, хотят поскорее закрыть квартиру. Наследники Слут – ее родители. Они пенсионеры и живут в Джеффрис-Бэй.

Он толкнул дверь и посторонился, пропуская Гриссела вперед.

Гриссел убедился, что в дверь врезан смотровой глазок, что цепочка и задвижка не повреждены. Переступив порог, он остановился. Ему захотелось вначале «почувствовать обстановку».

Помещение оказалось меньше, чем он представлял по фотографиям, но все-таки квартира у Ханнеке Слут была просторной, приятной и современной. Утреннее солнце весело светило в большие окна; из окна, выходящего на юг, виднелась часть Сигнальной горы. Слева от окна находилась колонна, за ней – открытая в плане кухня. Тихо жужжал дорогой двухстворчатый холодильник. Диван и кресла располагались посередине, в зоне отдыха, между колонной и окнами. Картина висела на стене справа, над стереосистемой. В оригинале она понравилась ему больше, чем на фотографии. У окна стоял белый телескоп на треноге.

Гриссел оглянулся, заметил, что Нкхеси внимательно наблюдает за ним.

– Томми, можно взглянуть на ключ?

Детектив-коса протянул ему связку ключей.

– Вот этот от парадной двери. – Он показал ему серебристый ключ от американского замка. – Этот от машины, другой – от шкафчиков. – Ключи висели на металлическом колечке.

– Где хранятся запасные ключи?

– Запасные есть только от шкафчиков и машины. Она держала их в тумбочке у кровати.

– Может, на работе?

Нкхеси покачал головой.

– А у охранников нет ключа от ее квартиры?

– Нет. Главный ключ есть только у смотрителя, но у него нет карточки от лифта. Наверх его поднимают охранники, но только с согласия жильца.

– Где ее машина?

– На своем месте, в подземном гараже. «Мини-купер» с откидным верхом. Эксперты осмотрели ее. Ничего.

– Спасибо, – кивнул Гриссел, возвращая ключи.

Он посмотрел на кровь.

Одно бурое пятно выделялось на красивых серых мраморных плитках в трех шагах от входа. Эксперты обвели его черным. Примерно в метре от него находилась вторая лужа, побольше. Там лежала жертва.

Гриссел осторожно вернулся к порогу, сделал два шага вперед. Видимо, убийца стоял здесь. Именно здесь жертве нанесли смертельный удар. Она попятилась назад, возможно пошатнувшись от сильного удара. Потом рухнула на пол.

Гриссел нагнулся, осмотрел первое, небольшое кровавое пятно. Сохранилось идеально: не смазано, отпечатков пальцев нет.

Он вышел на кухню. В раковине пусто. Рабочие поверхности чистые, как на снимках.

– Томми, в раковине ничего не было?

Нкхеси подошел к нему и встал рядом.

– Ничего. Она поела на работе. Примерно в шесть сорок пять заказала доставку из тайского ресторанчика. Курьер приехал в пять минут восьмого и оставил ее заказ в приемной, на стойке администратора «Силберстейн». Из приемной ей позвонили, и она спустилась за едой. Коробки бросила в мусорное ведро. Вот почему патологоанатом был так уверен насчет времени смерти. По его словам, процесс пищеварения был в самом разгаре, пищевой комок только начал проникать в двенадцатиперстную кишку. Так как она поужинала около семи, смерть наступила в районе десяти вечера.

– Томми, вы хороший детектив, – задумчиво проговорил Гриссел.

– Стараюсь...

– Когда я... Поверьте, я не раз оказывался на вашем месте. Мои дела тоже передавали другим. Поэтому я прекрасно понимаю, что вы сейчас чувствуете.

– Ничего страшного, капитан! – Томми снова принялся поправлять очки.

– Мне гораздо легче, чем вам. Я ведь только читаю материалы дела. Все самое трудное сделали вы.

– Это не важно. Давайте вместе поймем того, кто это сделал!

От Гриссела не укрылась серьезность Нкхеси.

– Спасибо, Томми! – Он показал пальцем в сторону лестницы: – Там, наверху... На столе рядом с ее ноутбуком стоял бокал с вином. А бутылки не было...

Нкхеси тут же открыл дверцу отдельно стоящего кухонного шкафчика:

– Бутылка стояла здесь. Ее забрали эксперты. Откупоренная бутылка красного, там осталась примерно половина.

Должно быть, Слут налила себе вина, а бутылку поставила на место.

– Она была аккуратисткой.

– Вы полюбуйтесь на ее шкафчики. Идеальный порядок, как в магазине!

– Где у нее хранятся ножи?

Нкхеси показал ему ящики:

– Столовые приборы в верхнем, кухонная утварь в третьем сверху.

Гриссел выдвинул верхний ящик. Столовое серебро, вилки, ножи, столовые ложки, чайные ложки. Ничто даже отдаленно не подходит под описание орудия убийства.

– В третьем ящике лежат три кухонных ножа, – заметил Нкхеси. – Похожего и близко ничего нет.

Бенни выдвинул третий ящик. Он был заполнен не доверху. Пара сервировочных ложек и ложек для перемешивания салата, скромный набор кухонной утвари. И три ножа с черными ручками, разного размера. Самый длинный – для мяса, но его размеры все же были слишком скромными для того, чтобы он мог стать орудием убийства.

– Даже если в наборе был нож подлиннее, он бы все равно оказался слишком узким, – заметил Нкхеси. – Капитан, я обыскал всю квартиру. Если бы у нее был кинжал или ассегай... Никаких следов. Не знаю...

Гриссел закрыл шкафчик, подошел к холодильнику. Он оказался почти пустым. Два стаканчика фруктового йогурта «Вулвортс», коробка сыра фета. Два сорта желтого сыра, в отдельных коробочках, накрытых пластиковыми крышками. Двухлитровая бутылка апельсинового

сока, на треть пустая. Бутылка белого вина, неоткупоренная, коробка маргарина, пластиковый контейнер с чем-то бордовым – судя по всему, свекольным салатом.

Он открыл дверцу морозильного отделения. Ведерко с мороженым, несколько упаковок замороженных овощей, пакет с куриными бедрышками.

Гриссел закрыл морозильник.

Поднявшись на второй этаж, он вначале заглянул в пустую спальню, где хранились коробки. Коробки были аккуратно расставлены на односпальной кровати, точно по углам. Два скатанных персидских ковра стояли у белой книжной полки, не загромождая проход.

Гриссел подошел к кровати и осмотрел коробки. Они были заклеены широкой клейкой лентой, какой пользуются в компаниях по перевозке вещей.

Нкхеси тоже поднялся на второй этаж. Они вместе прошли по короткому коридорчику в главную спальню. В конце коридорчика, рядом с дверью в спальню, было большое окно с видом на город.

Спальня оказалась довольно просторной, со встроенными шкапами. Между двумя большими окнами Слут поставила свой письменный стол. Кремовые шторы на окнах были задернуты – точно как на фотографиях. Против двери стояла широкая двуспальная кровать в минималистском стиле. Слева от кровати дверь, ведущая в ванную. На полу – большой восточный ковер, тоже кремовый, с нежным коричневым узором.

– Свет был включен, – заметил Гриссел.

– Да.

Теперь на столешнице ничего не лежало, потому что компьютер и папки увезли. Гриссел уже собирался спросить насчет ноутбука, но тут зазвонил его мобильник. Он достал его из кармана рубашки. На дисплее высветилось: «Алекса».

– Привет.

– Бенни, я не могу... – В ее голосе угадывался настоящий ужас.

Перед тем как ответить, он вышел в коридор.

– Чего ты не можешь?

– Не могу выступать, Бенни. Не могу, и все!

8

– Ну что ты, Алекса, не волнуйся, я скоро...

– Бенни, я просто умру!

Он не знал, что ей сказать, внезапно поняв, что не в состоянии подобрать слова, найти нужный подход.

– Не умрешь, – с трудом выдавил он. – Ты ведь Ксандра Барнард!

– Бенни, я никто, пустое место! – Он понял, что она вот-вот расплачется.

– Я... Алекса, пожалуйста, дай мне час. Ты завтракала?

– Нет, – тихо ответила она.

– Иди свари себе кофе. Съешь что-нибудь. Прими ванну... Я приеду, как только освобожусь. Я сейчас на работе...

Тишина.

– Алекса...

– Бенни, я не знаю, что делать.

– Ты сваришь кофе?

– Сварю.

– Обещаю, что приеду, как только смогу.

– Ладно.

– Я тебе перезвоню. Держи мобильный телефон рядом!

– Ладно.

– Я скоро приеду.

– Извини, Бенни.

– Тебе не нужно извиняться, мы обо всем поговорим... – Пришлось закругляться, потому что его ждал Нкхеси. – Вот только разберусь с делами и сразу приеду.

– Прости меня, Бенни, напрасно я тебя побеспокоила... Пока! – Алекса нажала отбой.

Гриссел стоял в коридорчике у окна и смотрел на город, но ничего не видел. Придется скорее заканчивать. Дома у Алексы спиртного нет, но, если он не поторопится, она поедет в какой-нибудь отель. Она всегда ездила за выпивкой в отель, потому что «в винных магазинах так убого». Он видел все признаки надвигающейся опасности и догадывался, что она, скорее всего, поедет пить в «Маунт-Нельсон».

А виноват во всем он.

Судя по выражению лица Нкхеси, он все слышал, хотя специально не подслушивал, но из вежливости не хотел показывать виду.

– Извините, Томми, – только и произнес Гриссел.

Чернокожий детектив неопределенно махнул рукой.

Гриссел наморщил лоб, собираясь с мыслями. До звонка Алексы он хотел спросить что-то важное.

Он вспомнил:

– Ее ноутбук был включен?

– Нет, выключен. Но, судя по электронной почте, она сидела здесь и работала. Примерно в половине десятого отправила письмо ван Эдену. Он... человек, который организовал сделку. Письмо официальное, нечто вроде отчета о проделанной работе.

– И ему же она посылала эсэмэску где-то без десяти десять?

Нкхеси кивнул:

– По его словам, эсэмэска была связана с тем письмом – она сообщала, что отправила его.

– А папки, которые лежали на столе, тоже имели отношение к сделке, которую она готовила?

– Да.

– Она сидела здесь и работала почти до десяти вечера... – Ответ Нкхеси подтвердил то, что Гриссел заподозрил, когда рассматривал фотографии места преступления. Он еще тогда подумал, что не обнаружит здесь ничего нового.

Он перешел в ванную, осмотрел большую душевую кабину, отделенную от остального помещения стеклянной панелью. Там нашли единственный мужской лобковый волосок. Большая, белая современная ванна. Тоже выложена серой мраморной плиткой. Коричневые шкафчики, коричневые полотенца. На стене в темной деревянной рамке коричневая матерчатая корзина для грязного белья. Гриссел поднял крышку. Корзина была пуста.

– Все забрали эксперты, – пояснил Нкхеси.

– И ничего не нашли.

– Вот именно.

Они вернулись в спальню. Гриссел резко развернулся к своему спутнику:

– Томми, как вы себе все представляете? Что здесь, по-вашему, случилось?

Нкхеси поправил очки большим, указательным и средним пальцами.

– Она взяла работу на дом, сидела здесь...

Зазвонил сотовый Гриссела. Он вздохнул:

– Извините, Томми...

Гриссел достал телефон из кармана куртки. На дисплее высветилось: «Мбали».

– Здравствуйте, Мбали!

– Бенни, как дела?

– Нормально, спасибо. С возвращением!

– Спасибо, – без всякой радости ответила она. – Вам известно, что я веду дело стрелка?

– Да, мне сообщили об этом вчера.

– Бенни, я ваш связной. Вы читали его послания?

– Да.

– Мне интересно, что вы о них думаете. Мы с вами можем встретиться?

Сначала ему придется съездить к Алексе, да и здесь необходимо все закончить. Он посмотрел на часы.

Мбали верно истолковала его молчание.

– В любое время, Бенни. Я весь день на работе, в Клермонте.

– Тогда давайте созвонимся попозже и договоримся...

– Конечно, Бенни. До свидания!

Нкхеси расплылся в широкой улыбке:

– Мбали Калени?

– Да.

– Я слышал, с ней кое-что произошло. В Голландии.

– Так говорят.

– Должно быть, дело в травке. Наверное, она захотела арестовать кого-нибудь за то, что сидел на улице с косяком!

– Наверное.

– Ох уж эта Мбали... – с задумчивой улыбкой проговорил Нкхеси.

– Она хороший детектив, – заметил Гриссел.

Нкхеси молча кивнул.

– Томми, как это все случилось?

Снайпер сидел в кузове «чаны» с замазанными окнами. Рядом с ним на полу лежала электрическая лампочка; шнур, извиваясь, тянулся из окна к розетке на стене темного гаража.

Винтовку он положил на колени. Рядом, на ящике для инструментов, лежал алюминиевый пенал с принадлежностями для протирки и очистки – алюминиевым шомполом с удлинителем, ершом, протиркой, выколоткой и масленкой. Он работал медленно и сосредоточенно, стараясь не трогать оптический прицел. Если заденет, придется снова нести его в тир для пристрелки, а он сейчас не может себе этого позволить.

Уже не может.

Сегодня работать придется издали. С такого расстояния ему еще не приходилось стрелять. Вот почему ему хочется поскорее со всем покончить.

Главное – успеть до двенадцати, до того как улицы погрузятся в тишину воскресного полудня.

Сегодня он торопиться не станет. Сохранит хладнокровие. Вчера он промахнулся с первого раза, потому что плохо справился с напряжением. Теперь лед тронулся. Сегодня он будет стрелять лучше.

Он посмотрел на часы. У него есть еще двадцать минут, потом он должен ехать.

– 18-го попасть в дом не составляло никакого труда, – говорил Томми Нкхеси. – Через подземный гараж можно выйти на лестницу или к лифту и подняться на нужный этаж... Убийца поднялся и позвонил. Слут к тому времени как раз закончила работу и, должно быть, успела спуститься вниз. Она посмотрела в глазок и узнала гостя, поэтому открыла ему дверь. Они поговорили. Потом поссорились. Он очень рассердился. Ударил ее. Увидел, что она умерла, и сбежал.

– Возможно.

– Капитан, в доме ничего не пропало. Мотива нет. Shici – ничего! У нее не было постоянного спутника, вообще никакой личной жизни. Если не считать двух подруг, она общалась только по работе. Ее считали славной женщиной. Сотрудники отмечают ее честолюбие. Она очень выкладывалась, потому что хотела войти в совет директоров «Силберстейн». Кстати, по словам Прёйса, ее как раз собирались повысить. Так что, по-моему, убили ее из-за чего-то другого. Сначала я заподозрил наркотики. Эти богатые кошечки любят нюхать кокаин; может быть, дилер принес ей очередную дозу, а у нее при себе не оказалось наличных. Может, она уже была под кайфом, вот он ее и пырнул. Но он бы непременно что-нибудь украл. И потом, на вскрытии никаких наркотиков не обнаружили. И все-таки, капитан, мне кажется, что дело нечисто. Убийца не просто так к ней пришел. Речь идет о чем-то таком, о чем не знали ни коллеги, ни друзья. Только мы никак не поймем, в чем дело. А может, он не собирался ее убивать, а потом взял и убил... Так получилось.

9

Гриссел спросил Нкхеси, где он нашел фотографии Слут – те, что в белом конверте.

Нкхеси замялся на секунду, а потом подошел к тумбочке справа от кровати. Гриссел отметил, что в тумбочке два ящика и под ними – дверца. Нкхеси выдвинул второй ящик.

– Идите взгляните сами, – пригласил он с едва скрываемым неодобрением. Сам же поспешно отошел назад, как будто содержимое ящика было ядовитым.

Гриссел подошел поближе и сразу увидел вибратор, длинный и толстый, чудовищно правдоподобная имитация пениса. А под ним – коробка, в котором его привезли. На коробке крупными буквами было написано: «Вибратор «Большой мальчик».

– Ее дружок, – заметил Нкхеси. – А под ним альбом.

Гриссел молча достал фотоальбом и раскрыл его.

На обложке он увидел серебристую наклейку с именем фотографа: «Анни де Вал». И адрес: Де Ватеркант.

Внутри он увидел другие фотографии Ханнеке Слут, в том же стиле, как и на снимках из белого конверта. Ее снимали в разных позах; на страницах формата А4 умещалось по одному. Она предстала перед ним в разных позах, в разных платьях и блузках с низким вырезом, но фотографий в стиле ню он больше не нашел. Восемь последних страниц оставались пустыми.

– Вы вынули только три снимка?

– Да. Два для досье. И еще один, где она голая; мне не хотелось, чтобы это видела ее мать, – очень серьезно ответил Нкхеси.

Гриссел попробовал запихнуть фотоальбом обратно, под вибратор и коробку, но у него ничего не получилось. Пришлось вытаскивать коробку, отложив альбом в сторону. На коробке он прочел: «Большой мальчик» на самый взыскательный вкус! Мультискоростной реалистичный вибратор. Настоящий герой-любовник! Он доставит вам полное удовлетворение. Проникает глубоко, дарит радость. Настоящим мужчинам далеко до этой горячей штучки! Батарейки в комплекте».

Гриссел поднял голову и увидел, что Нкхеси выжидательно смотрит на него.

– Томми, – сказал он, – мы живем в странном мире.

– Да, – ответил Нкхеси на коса, покачав головой и поправив очки.

Когда они спустились к машинам, Нкхеси попросил его расписаться за ключи от квартиры. Гриссел расписался и заметил, как Нкхеси вздохнул с облегчением. Он как будто сбросил с плеч огромный груз.

Перед тем как уехать, Гриссел вдруг вспомнил еще кое-что:

– Томми, наверное, мой вопрос покажется вам странным, но... не встречался ли вам в ходе расследования человек... он мог быть кем угодно... который упоминал о каком-то «коммунисте»?

– О коммунисте?!

Его изумление само по себе могло служить ответом.

– Ладно, Томми, не берите в голову. Просто полковник вчера обмолвился кое о чем...

Нкхеси покачал головой:

– В ходе расследования я столкнулся лишь с шайкой капиталистов...

С дороги Бенни позвонил Алексе и сказал, что едет. Ее голос показался ему рассеянным и далеким, как будто он утратил для нее значение. Сердце у него упало.

Самое печальное, что он ее не понимает, хоть и старается, и сознает, как она страдала. У нее такой огромный талант!

Три месяца назад она впервые после долгого перерыва поднялась на сцену и спела с «Ржавчиной», любительской группой, исполняющей рок и блюз. Группа называлась так не случайно, потому что в нее входили четыре обитателя пригородов, принадлежащих к так называемому среднему классу. И по возрасту их никак нельзя было назвать молодыми. У них ушло пять месяцев, чтобы счистить ржавчину с каждого в отдельности и со всех вместе и выучить несколько старых, классических номеров. Они надеялись, что их будут приглашать на свадьбы и вечеринки. Бенни несколько раз приглашал Алексу на репетиции. Она все время отказывалась, но неожиданно приехала в старый муниципальный досуговый центр в Вудстоке, где они встречались. Вначале она только сидела и слушала с каменным лицом, а они старались изо всех сил не опозориться. Все прекрасно понимали, кто такая Ксандра Барнард. И вдруг, в перерыве, она спросила:

– А вы знаете See See Rider Ma Рейни?²

И Винс Фортёйн, их ведущий гитарист с вытатуированным на мускулистом плече якорем и маленькими глазками, которые замуривались от удовольствия, когда у них все получалось как надо, ответил:

– Песня клевая, но, пожалуй, слишком уж оптимистичная для Ма!

Алекса согласилась, едва заметно улыбнувшись и кивнув. Винс и барабанщик, Яп, с длинной сивой гривой и постоянно зажатой во рту сигаретой, начали играть. Гриссел и усатый ритм-гитарист Якес Якобс прислушались и тоже вступили, сильно и красиво. Алекса взяла микрофон и повернулась к ним спиной. И запела.

Главное, он-то все время смутно надеялся, что она будет выступать с ними. Не постоянно, но, может быть, время от времени. По особым случаям. Конечно, он понимал, что слишком много хочет, и все же... Но тем вечером, стоило ей запеть, Бенни сразу понял, что им до нее далеко. Не тот класс!

Тогда Алекса подошла к микрофону в первый раз за много лет, но все сразу стало ясно и понятно. Все остальное отступило на второй план. Она ничего не утратила: ни чувства, ни мелодики, ни умения следовать их ритму и стилю... И конечно, прежним остался голос: красивый, с богатым диапазоном. И ее обаяние.

Своим участием она сразу же подняла их планку, звук, возможности. При ней и они зазвучали по-другому.

Когда она допела, они зааплодировали, и она сказала:

– Нет-нет, не надо.

А потом спросила, почти не скрывая страстного желания петь еще:

– А вы знаете Tampa Red, She's Love Crazy?

Винс только кивнул в ответ; ее пение вдохновило его, ему и самому не терпелось сыграть.

И Алекса снова запела.

Почти час она исполняла одну песню за другой. Глаза у нее горели. Гриссел давно подозревал, что она тоскует по сцене, по зрителям, по аплодисментам, которые грохочут, как океанский прибой, потому что любовь и признание зрителей подпитывали ее талант. В минуты своего торжества она имела право на все.

И та же самая женщина вчера ночью то и дело повторяла:

– Они смотрели сквозь меня.

Что она себе вообразила? Неужели она не знает, насколько она хороша? Как ему справиться с ней, если он не в состоянии ее понять? Что он ей скажет?

И другая забота: он не может провести с ней весь день. Придется позвонить ее куратору из «Анонимных алкоголиков», миссис Эллис, директору школы. Потому что он обязан работать,

² Ма Рейни – выдающаяся исполнительница блюза (1886–1939).

сосредоточиться. Он должен переварить все, что увидел в квартире Слут. Внизу, у машины, перед тем как расписаться за ключи, он спросил у Томми:

– Кого бы вы заподозрили в первую очередь?

– Смотрителя, – ответил Нкхеси. – Его зовут Фарук Клейн. У него была возможность войти к ней; у него есть ключи от всех квартир. Он носит с собой инструменты; может быть, у него в ящике имелась и та большая и острая штука, которой можно заколоть насмерть. В квартире нашли его отпечатки, он знал, как можно без труда попасть туда. Ему она открыла бы дверь. Он считает себя красавцем. Я подумал: может быть, он решил попытать счастья с женщиной с большой... – Нкхеси показал рукой, очевидно стесняясь слова «грудь», и поспешно продолжал: – К тому же у него есть судимость. Девять лет назад его судили за хулиганство с причинением вреда здоровью. Он избил женщину, за что получил условный срок. Так что его я бы заподозрил в первую очередь. Но у него алиби – вторая жена и двое ее детей-подростков от первого брака уверяют, что он весь вечер просидел дома. Им я верю, они кажутся вполне порядочными людьми.

– А больше никого?

– Я долго проверял ее бывшего, Эгана Роха. Но он, похоже, вообще ни при чем. Во всяком случае, в тот день, когда ее убили, он был за границей. А больше никаких подозреваемых нет. Я проверил всех. Вот почему мне кажется, что найти виновного не удастся. Может быть, убийца – случайный знакомый, с которым жертва поссорилась...

Гриссел согласился с детективом-коса лишь отчасти. Ему не давали покоя несколько важных деталей. Отсутствие на руках жертвы оборонительных ран. Место, где была кровь. И третий ящик кухонного шкафчика.

Если бы Ханнеке Слут убили на пороге, у самой входной двери, если бы у нее оказались порезаны руки или на них были кровоподтеки, он бы еще согласился со случайным гостем и ссорой. Но она была взрослой, умной женщиной; более того, юристом. Если бы кто-то позвонил к ней в дверь в десять вечера, она бы сначала посмотрела в глазок. И открыла дверь только знакомому. А в квартиру впустила бы только человека, которому доверяла!

Удар нанесен спереди. Жертва стояла лицом к убийце. В трех метрах от порога. И не защищалась.

Содержимое же третьего ящика в кухонном шкафчике свидетельствовало о том, что Ханнеке Слут не очень любила готовить. Гриссел подозревал, что другой кухонной утвари, помимо той, что нашлась в ящике, у нее в хозяйстве не было. И даже если где-то хранился еще один нож, длиннее и шире остальных, все равно ничего не выходит. Убийце пришлось бы сначала бежать на кухню, выдвигать ящики и рыться в них в поисках нужного орудия. А Ханнеке Слут что – стояла все это время у входной двери и терпеливо ждала рокового удара?

По всему выходит, что орудие убийца принес с собой.

Он захватил его не случайно. Ехал к жертве с заранее обдуманном намерением.

Все это означало, что Нкхеси совершенно правильно подозревает человека, больше всего подходящего на роль преступника, – смотрителя Фарука Клейна, у которого к тому же имеется судимость. Придется еще раз проверить его алиби.

Алекса сама открыла ему дверь. Она была в домашнем халате, непричесанная... Зато трезвая.

Его охватило облегчение, смешанное с чувством вины, которое он носил в себе со вчерашнего вечера.

– Алекса, прости меня, пожалуйста. Я опозорил тебя при твоих друзьях, а потом мне пришлось срочно сорваться на работу...

Она отвернулась от него, на ее лице застыло непонятное выражение, которое он так и не смог истолковать.

Она пошла на кухню.

– Алекса... – позвал Бенни.

Она покачала головой, как будто ничего не желала слышать.

Он поплелся за ней.

На столе стояла ее кружка; стул был слегка отодвинут. Здесь она сидела, когда он приехал.

Не говоря ни слова, Алекса налила ему кофе и села за стол. Придвинула к нему молоко, сахар и коробку с ложками, обхватила руками свою кружку и опустила голову.

Бенни сел, все больше тревожась. Точно так же она выглядела, когда он увидел ее в первый раз – в этом же самом доме, в гостиной. Наутро после гибели мужа.

– Ты ни в чем не виноват, – проговорила она. Поняв, что он собирается возразить, она подняла руку, останавливая его. – У меня вот так всегда выходит... с людьми.

Он налил себе молока и насыпал сахару.

– И я, Бенни, не знаю, как остановиться.

– Алекса, ты – просто фантастика, – ответил он, и последнее слово показалось ему нелепым, вычурным. – Ты такая... у тебя есть все. Ты лучшая певица в стране; всякий раз, как я слышу в телефонной трубке твой голос, я не верю собственным ушам. Ведь я-то всего лишь обычный коп!

Алекса недоверчиво скривила губы.

– Так и есть, – сказал Бенни.

– Тебе не приходило в голову, что именно в том-то вся и беда?

– Какая беда? О чем ты?

– Ах, Бенни, беда в том, какой мир меня окружает. Ты не представляешь, что такое шоу-бизнес. Мне не хватает сил...

– Хватает, – возразил он.

– Нет, ты не понимаешь. Меня окружает столько соблазнов... Всеобщее внимание, жажда все время находиться в его центре. Даже не могу объяснить. Мой голос, мое пение... оно заурядно. Мой талант ничем не лучше любого другого и ничем не отличается от прочих способностей. Я не лучше... человека, который красил этот дом, подбирал цвета и фактуру. Он так самозабвенно трудился, столько всего знал. Его талант совершенно очевиден. Но вокруг него не толпятся восхищенные поклонники, не твердят ему с утра до ночи, что он чудо, как он изменил их жизнь, и... Бенни, лезть заманивает, в нее начинаешь верить даже против воли. А если слышишь одно и то же каждый день, на каждом выступлении, всякий раз, как высовываешь нос за дверь... Я успела забыть, что это такое. Жила спокойно до вчерашнего вечера. Мы такие эгоисты! Нас ничего не стоит обмануть. И возникает настоящая зависимость. Полная зависимость от окружающих. Я... как наркоманка. Зависимость никуда не делась. Бывало, я любила собирать вокруг себя людей, которые мне потакали, в минуты сомнения говорили именно то, что я хотела услышать. Потому что иногда мечты разбиваются о правду. И тогда я ясно понимала, что и я сама, и мой талант совершенно заурядны. А за обожание зрителей, их почитание, аплодисменты благодарить надо музыку и те чувства, которые она пробуждает. А вовсе не меня. И тогда в душе просыпался страх... Я начинала бояться, что и публика когда-ни будь это поймет.

Алекса вздохнула и ссутулилась, как будто речь отняла у нее много сил. Потом она рассеянно повертела кружку в руках.

– Вот почему я люблю собирать людей вокруг себя... Привлекать их к себе. Так я привлекла Дейва Бурмейстера, лидера моей первой группы. И Адама. А теперь я то же самое делаю с тобой. Я стремлюсь общаться с теми, кто умеет завуалировать правду. Им говоришь: я неудачница, а они отвечают: нет, Алекса, ты лучшая певица на свете. Они продолжают давать тебе наркотик в те часы, когда вокруг нет восторженных зрителей. Получается порочный круг. Моя жизнь совершенно ненормальна, она полна соблазнов и с точки зрения психологии пол-

ный кошмар. Весь мир, в котором я живу, ненормален. Он фальшивый, ненастоящий. Дымовая завеса, зеркала и ловкость рук. Однажды это понимаешь, и, когда правда доходит до тебя, в душе просыпается страх. Так я стала бояться, что меня разоблачат. Вот почему я начала пить. Когда я пьяна, мне легче верится в хорошее...

Зазвонил телефон Гриссела; он пожалел, что не может не ответить. Ему не хотелось отвлекаться – особенно сейчас.

10

– Ответь, пожалуйста, – велела Алекса, криво улыбнувшись.

Он достал телефон.

На дисплее высвечивалось: «Карла».

Он встал и вышел в столовую.

– Алло, Карла!

– Папа, Фриц хочет наколоть татушку, – без предисловий произнесла дочь осуждающим тоном старшей сестры.

– Что?

– Татуировку. На всю руку.

Бенни понял, что слушает дочь невнимательно.

– Что за татуировка?

– Да какая разница? Папа, ты представь, как он будет выглядеть в сорок лет! – Бенни подумал: наверное, дочь считает, что сорок лет – сильно преклонный возраст.

– Карла, я не... С чего он вдруг?

– С того, что начал выступать в группе Джека Пэроу, вот с чего! Я волнуюсь за него! – В голосе Карлы после развода все чаще слышались материнские нотки. Видимо, она считала своим долгом опекать непутевых отца и брата.

– Нет, я другое хотел спросить... откуда ты узнала?

– Он только что сам мне позвонил. Похвастался, что записался в тату-салон. Это так... провинциально!

– Я с ним поговорю, но сейчас мне неудобно...

– Жаль. А ты что, на работе?

– Да. И у меня довольно срочная работа.

– Ясно. Ты там не перетруждайся. Вот, решила с тобой поделиться. – Сбросив груз с плеч, Карла, видимо, успокоилась и заговорила в своем обычном тоне – весело, бодро: – Мы увидимся на той неделе?

– Позвони в выходные и скажи, в какой ресторан мы пойдем.

– Ладно. Только мальчика с татушкой не приглашай... Я люблю тебя, папа!

– Я тоже тебя люблю, – сказал он.

Весело попрощавшись, Карла отключилась, а Бенни так и застыл на месте, силясь собраться с мыслями. Машинально вернулся на кухню и остановился на пороге, как будто завис между двумя мирами. Еще не до конца опомнившись, сказал:

– Фриц хочет сделать татуировку.

Алекса Барнард одной рукой откинула от лица прядь светлых волос, запрокинула голову и вдруг громко расхохоталась. Грисселу показалось, что он расслышал в ее искреннем смехе нотки облегчения.

Белый фургон «чана» покругил по стоянке перед библиотекой в Си-Пойнте, справа от городской ратуши. Потом водитель задним ходом загнал фургон в последний бокс, напротив Вестерн-бульвара, откуда рукой подать до шоссе М6.

Радуюсь неожиданному везению, снайпер заглушил мотор. Несмотря на воскресное утро, парковка оказалась совершенно пустой. В два боковых зеркала он отчетливо видел позади большую пустую площадку. За ней тянулась длинная гудроновая полоса – стоянка боулинг-клуба с несколькими машинами, но до боулинг-клуба больше шестидесяти метров. А справа от «чаны» – настоящая живая изгородь из разросшихся коровьих деревьев, отделяющих его от шоссе М6. Листья и ветви не шевелились. Ветра практически не было.

В просвет между двумя деревьями он увидел на другой стороне многополосного шоссе с разделительной полосой полицейский участок «Грин-Пойнт». Сто тридцать метров, если верить его подсчетам, которые он произвел с помощью приложения Google Earth. С его оружием и сравнительно невысоким мастерством это большое расстояние. Серьезное препятствие – высокий забор, окруживший территорию полицейского участка. Со стоянки видны лишь широкие въездные ворота, что существенно затрудняет обзор и слежение за движущейся целью. Придется ждать, когда полицейский подойдет к воротам, и нажать на спусковой крючок в тот миг, когда он остановится, чтобы открыть их...

Разумеется, движение на М6 тоже затрудняет ему задачу. Легковую машину пуля не заденет, так как пойдет гораздо выше, но вполне возможно, что он попадет в случайно проезжающий автобус или грузовик... А у него угол обзора совсем небольшой, ведь он может себе позволить лишь крошечную щель в боковой панели «чаны».

И все же другого такого удобного места ему не найти.

Он предварительно осмотрел весь район и знал, что здесь он в безопасности. И все же пульс участился, костяшки пальцев, сжимавшие руль, побелели. Он огорчился. Ему казалось, что во второй раз он будет спокойнее.

Алекса призналась Грисселу, что слышала, как он говорил Карле, будто у него срочная работа.

Лукаво улыбнувшись, она сообщила, что уже позвонила миссис Эллис, своему куратору из «Анонимных алкоголиков». Ему не нужно беспокоиться, сегодня она больше пить не будет. Он должен возвращаться на работу. Если захочет, может заехать к ней сегодня вечером, завтра или в любое время, когда он будет свободен. Если захочет, он расскажет ей о своей работе. И пусть ни в чем себя не винит.

Гриссел робко попросил ее позвонить Лизе Бекман и Антону Госену и извиниться за него.

Алекса ответила, что в извинениях нет необходимости. Они давно привыкли к тому, что рядом с ними поклонники сами не свои.

– Ну, пожалуйста! – взмолился Бенни.

– Хорошо, – кивнула Алекса. – Но только если ты сейчас же вернешься на работу.

Гриссел позвонил Мбали; они условились встретиться в уличном кафе на Гринмаркет-сквер.

Он приехал раньше и наблюдал за тем, как зулуска-детектив пробирается в толпе туристов. Кругленькая коротышка с некрасивым решительным лицом, она словно предупреждала всех окружающих: «Со мной шутки плохи!» Как всегда, на ней был черный брючный костюм в обтяжку. На плече болталась огромная черная дамская сумка, на бедре – служебный пистолет «Беретта-92FS», на груди, чтобы все видели, – карточка-удостоверение сотрудника ЮАПС. Огромные черные очки закрывают глаза. А на шее – белый шарф. Он маскирует шрамы...

Сердце у него невольно сжалось от жалости к ней. Бенни вспомнил, что Мбали его боготворит. Во всяком случае, она считала, что несколько месяцев назад он спас ей жизнь. Тогда ее тяжело ранили, а Бенни сидел рядом с ней до приезда скорой помощи и зажимал пальцами рану на шее. Мбали жалко еще и потому, что многие коллеги ее откровенно недолюбливают. Мбали привыкла высказывать все, что думает, не скрывая феминистских взглядов, не боясь говорить правду в глаза. Работала она неспешно и педантично, никаких авторитетов не признавала, а ее самоуверенность иногда просто зашкаливала. Бенни подумал: наверное, все дело в том, что ей приходится выживать в мире, населенном почти исключительно мужчинами, ведь большинство детективов – мужчины. И конечно, внешность подгадила. Если бы даже при самом скверном характере она обладала стройной фигурой, украшенной смазливой личиком, от желающих поработать с ней в паре не было бы отбоя. Никто из коллег не усомнился бы

в том, что Мбали заслужила повышение, заслужила перевод в элитное управление, к «Ястребам». В каком-то смысле Бенни чувствовал свое родство с ней – наверное, потому, что сам он был алкоголиком и неудачником. Он прекрасно знал, что чувствуешь, когда над тобой смеются у тебя за спиной. А может быть, все дело в его опыте. Прослужив в полиции двадцать шесть лет, понимаешь, как редко встречаются настоящие профессионалы, на которых можно положиться. А как они выглядят – совершенно не важно...

– Здравствуйте, Бенни!

Он встал, поздоровался и стал ждать, пока Мбали сядет.

Она с тяжелым вздохом положила сумку на стоящий рядом стул. Порылась в ней, достала тонкую папку, извлекла из нее лист бумаги и положила перед ним.

– Вот, читайте! – Мбали сдвинула темные очки на лоб и, хмурясь, оглянулась в поисках официанта.

Атмосфера вокруг полицейского участка «Грин-Пойнт» оказалась спокойнее, чем ожидал снайпер. От тишины и покоя пружина напряжения, которая свернулась у него внутри, сворачивалась все туже. Сколько ему еще торчать на одном месте в фургоне с приоткрытой боковой панелью, с винтовкой в руках? Того и гляди, кто-нибудь его заметит – прохожий, пассажир машины, едущей мимо по шоссе Мб... Ничего нельзя предугадать заранее, случиться может все, что угодно. Вот что самое неприятное. Он понимал, как сильно рискует. Готовясь ко второй вылазке, продумывая операцию, он все время помнил о том, что его могут засечь. Выход в том, чтобы любой ценой предусмотреть все непредвиденные обстоятельства. Он приказывал себе: «Не слишком увлекайся и не будь так уверен в себе. Не стоит их недооценивать. Не мешкай. Не рискуй».

Жаль, что уже невозможно вернуть вчерашнюю эйфорию, когда голова у него шла кругом от облегчения, удовлетворения и радости. Он перехитрил их, он ушел, он отомстил! Вчера он понимал, что все замечательно продумал, что в его плане нет ни одного слабого места. Но теперь сомнения грызли его. Сомнения и страх, что его поймают.

В ворота напротив въехал белый седан с эмблемой ЮАПС.

Больше адреналина.

Он прижал щеку к прикладу, посмотрел в оптический прицел.

«762a89z012@anonymail.com

От: 27 февраля, воскресенье, 6.57

Кому: j.afrika@saps.gov.za

Кас.: Капитану Бенни Грисселу

Я видел статью в воскресном «Аргусе». Можете ли вы соблюсти правосудие (Притч., 21: 15)? Или вы тоже предпочитаете не ссориться с коммунистами? Надеюсь, что нет, потому что тогда мне придется прибегнуть к крайним мерам.

Вчера я подстрелил полицейского в Клермонте. Сего дня будет еще один. Каждый день, пока вы не призовете убийцу к ответу.

Вы знаете, кто он».

Гриссел поднял голову. По словам Мбали, генерал Африка сегодня утром переслал сообщение стрелка им обоим, и она принесла Грисселу распечатку.

Он поблагодарил Мбали и спросил, удалось ли ей что-нибудь выяснить в Клермонте.

Она принялась рассказывать – медленно, размеренно, разгибая пухлые пальцы. Ее лицо сморщилось от досады.

Во-первых: никаких очевидцев. Никто не слышал выстрела и не видел ничего странного. Во-вторых: пуля, попавшая в колено констебля Брендона Апреля, разлетелась на мелкие

осколки. В-третьих, характер раны не позволяет рассчитать траекторию выстрела. Определить, где именно сидел снайпер, пока не удалось.

– Если принять во внимание все места, откуда видна стоянка во дворе полицейского участка, стрелять могли и от школы или из многоквартирного дома, но тогда снайперу пришлось бы войти в подъезд или подняться на крышу. Посторонним в тот дом пройти никак невозможно – только если взломать замок, а следов взлома не обнаружили. Так что пока никаких результатов.

Подошел официант, остановился рядом с ней, и Мбали сурово приказала:

– Кока-колу, но лед принесите отдельно, а не напихивайте полстакана.

Официант, удивленно подняв брови, покосился на Гриссела. Тот жестом показал, что ничего заказывать не будет. Официант ушел.

– Итак, у нас нет места преступления в обычном смысле слова, – подытожила Мбали. – А сегодня он снова собирается стрелять.

Подполковник Беван Длодло ухватился за алюминиевую ручку и рывком распахнул дверь полицейского участка «Грин-Пойнт».

В тот же миг стекло перед ним с мощным хлопком взорвалось.

Его передернуло от страха, осколок впился ему в лоб. Он слышал крики, звон стекла. Осколки градом посыпались на цементный пол. Инстинкт приказывал пригнуться, убежать, убраться подальше от двери. Рука потянулась к табельному пистолету в набедренной кобуре.

Прижавшись спиной к стене, сжимая в руке пистолет, подполковник присел на корточки. Он не сводил взгляда с двери. Ему хотелось крикнуть тем, кто внутри, выяснить, что происходит. По лбу потекла теплая струйка крови. Вдруг что-то ударило его в лодыжку, да так сильно, что он завалился на левый бок.

Опустив голову, он с изумлением увидел, что синяя форменная брючина превратилась в лохмотья. Сквозь них сочилась кровь и медленно растекалась лужей на полу.

Подполковник посмотрел на парковку напротив. Там никого не было.

Он оглядел улицу. Никого!

Только тогда он ощутил невероятную боль.

11

Держа перед собой раскрытую папку, Мбали постучала пальцем по письмам и сказала:

– Не понимаю я его. Может, я что-то упускаю, может, недостаток образования?

– Нет. – Гриссел покачал головой. – Я тоже его не понимаю. Вчера ночью я думал, что он... хочет закосить под психа. В общем, если не слишком внимательно читать его послания, в самом деле кажется, что у него не все дома. Но психи, как правило, ограничиваются одними угрозами, наш же стрелок в самом деле ранит людей... С таким я еще не сталкивался. Вот, взгляните на письмо от 6 февраля. «У вас три недели на то, чтобы арестовать убийцу Ханнеке Слут». Значит, он все спланировал заранее. Подготовился. Он не псих. Или... если псих, то не совсем обычный.

Мбали кивнула в знак согласия и спросила:

– По-вашему, он знал Слут лично?

Интересный вопрос, над ним Бенни тоже ломал голову вчера ночью. Он медленно покачал головой:

– Не знаю. Возможно. С другой стороны, если бы он был близко знаком с ней, то наверняка понимал, что рано или поздно сам факт знакомства наведет нас на его след. Так что... сомневаюсь.

– Конечно, если он не псих.

– Да.

– Никаких подозреваемых. – Мбали не спрашивала, она утверждала.

– Да.

– Никаких коммунистов?

– Мне кажется, он вряд ли имеет в виду настоящего коммуниста. Это... – Гриссел замялся, вспоминая подходящее слово.

– Метафора?

Он не совсем понял, что имела в виду Мбали. Она это заметила.

– Он как будто говорит иносказаниями или преувеличивает. А если под «коммунистами» он имеет в виду чернокожих?

– Что-то вроде того. Может быть, ему не хочется, чтобы его сочли расистом.

– Зато против того, чтобы его считали помешанным на религии, он как будто не возражает.

– Да.

– Итак, есть у нас чернокожие подозреваемые?

– Есть только один цветной. Смотритель...

Мбали захлопнула лежащую перед ней папку, сунула к себе в сумку.

– Перешлю его письма Илзе Броди в Управление криминалистической психологии... но, Бенни, что еще? Может, я что-то упускаю? Что бы на моем месте предприняли вы?

– Тут особо нечего предпринимать...

Увидев ее расстроенное лицо, Гриссел понял, что она надеялась на большее. Подумав, он спросил:

– Никто не слышал выстрела? Даже сам констебль?

– Нет, никто.

– Значит, он наверняка стрелял издали. Вероятнее всего, у него винтовка с оптическим прицелом. И глушитель. Надо бы копнуть с этой стороны. Все-таки глушители есть не у многих, не думаю, что их можно купить в магазине... Вы знаете де Виллирса с оружейного склада?

– Нет.

– Если у меня возникают вопросы по оружию, я обращаюсь именно к нему. Он человек скромный и тихий, но об оружии и боеприпасах знает все. Вот что предпринял бы я... Поговорите с де Виллирсом. – Вспомнив, что сегодня воскресенье, Гриссел добавил: – Он живет в Ботасиге. Наверное, его телефон есть в справочнике.

– Спасибо, Бенни! – Мбали встала и взяла сумку. – Как вы думаете, почему дело поручили мне?

Он нахмурился:

– Что вы имеете в виду?

– Я совсем новичок в отделе ППГ, к тому же вернулась только в пятницу. Даже вещи еще не все распаковала...

– Знаете, как оно всегда бывает – остальные заняты по горло...

Ему хотелось добавить, что ее «бросили» на трудное дело потому, что она хороший работник, но Мбали вдруг помрачнела и покачала головой:

– Все равно не понимаю...

Потом зазвонил ее мобильник, и она долго искала его в недрах своей огромной сумки. Наконец она нашла трубку и ответила.

Разговор оказался коротким. Она лишь несколько раз что-то буркнула в знак согласия, а потом сказала:

– Еду. – Обернувшись к Грисселу, Мбали уныло пояснила: – Он подстрелил еще одного, подполковника, в Грин-Пойнте.

Гриссел поехал в Бо-Кап, к дому смотрителя Фарука Клейна на Брайант-стрит. Ехать было недалеко, всего четыре квартала. Мысли разбегались в разные стороны. Ему хотелось обдумать предстоящий разговор со смотрителем, но ему не давали покоя последние слова Мбали. И очень тревожила строчка из последнего письма стрелка. «Вы знаете, кто он». Тем более что последнее письмо было адресовано лично ему.

В своем первом сообщении стрелок писал: «Вы прекрасно знаете, кто убил Ханнеке Слут». В одном из других: «Вам известно, за что ее убили». Если не считать вариаций с одним или несколькими коммунистами и бесконечными цитатами из Священного Писания – еще одна повторяющаяся тема.

Он подробно изучил материалы дела, побывал на месте преступления, он знал столько, что готов был заявить: «Какая-то бессмыслица! И ни одного подозреваемого...»

Мбали сказала: «Если он не псих». Гриссел мог бы добавить: «Может быть, он еще больше псих, чем мы думаем». В обычных условиях он не обратил бы на такие письма внимания. Мало ли чокнутых пишут в полицию?

Винтовка, оптический прицел и глушитель – вот в чем беда. Настоящий сумасшедший не в состоянии раздобыть и то, и другое, и третье, потом произвести выстрел с дальнего расстояния и выйти сухим из воды. И еще последнее письмо: в нем чувствовались новые нотки. Самодовольство, сознание собственной силы. «Надеюсь, что нет, потому что тогда мне придется прибегнуть к крайним мерам». Этот человек вынудил ЮАПС повторно рассмотреть дело, шантажист, которого следует воспринимать всерьез. Вот в чем проблема. Гриссел все больше злился. Он по-прежнему слишком мало знает. Обо всем.

С большим трудом Грисселу удалось втиснуть машину на противоположной стороне Блум-стрит, возле начальной школы Святого Павла. Возвращаться к нужному дому пришлось пешком. Он шагал мимо ярко раскрашенных домиков. На крылечках сидели цветные, все провожали его настороженными взглядами. Гриссел снова вспомнил Мбали. Перед самым уходом из уличного кафе она вдруг сказала:

– Бенни, спасибо, что не спрашиваете насчет Амстердама.

Он и не подозревал, что нестигаемая Мбали Калени такая хрупкая и ранимая. И вид у нее был совсем подавленный.

Он невольно задумался: что же с ней такое приключилось в Голландии?

Клейн жил в доме ленточной застройки. Желтые стены, белые колонны, большое дерево, занимавшее почти весь крошечный палисадник. Не успел Гриссел толкнуть красную калитку, как зазвонил его мобильник.

Он остановился, увидел на дисплее незнакомый номер и просто ответил:

– Да.

– Привет, Бенни, это Вон. Ты где?

Капитан Вон Купидон.

– Вон, я еще в городе.

– Я все жду твоего звонка.

– Ждешь?

– Да. Жираф сказал, что ты мне позвонишь. Насчет дела Слут.

Гриссел попытался вспомнить, что говорил вчера полковник Няти.

– Вон, насколько мне известно, ты в резерве. Никто не велел мне тебе звонить.

– Ох уж это начальство... вечно они все путают. В общем, Бенни, знай, что я готов тебе помочь. Можно взять у тебя дело?

– Оно мне пока и самому нужно. Слушай, я сейчас стою у дома... – если он скажет «подозреваемого», Купидон наверняка распустит слух, что Гриссел вот-вот добьется успеха, – свидетеля. Я перезвоню тебе, как только что-нибудь выясню. Спасибо, Вон, я высоко ценю твое предложение.

Помолчав, Вон довольно вяло ответил:

– Круто...

Гриссел отключился. Купидон – не тот, с кем ему хотелось бы работать вместе. Купидон слишком высокого мнения о себе. Он ужасно рад тому, что попал к «Ястребам». Раньше он служил в отделе по борьбе с оргпреступностью, а его влили в состав УРОВП. Бенни знал ребят из того отдела. Настоящие лихачи, привыкли действовать нахрапом...

Он убрал телефон и открыл калитку.

В прихожую вышла стройная, гибкая, как кошка, красавица с длинными черными волосами и большими темно-кариыми глазами. На вид ей можно было дать лет шестнадцать, не больше. Юная красавица критически оглядела Гриссела с головы до ног, а потом, обернувшись через плечо, крикнула:

– Папа, к тебе опять бур явился!

Она с презрительным видом перебросила через плечо каскад прямых волос, развернулась и зашагала прочь, как будто его и не было вовсе.

Половицы заскрипели, в прихожую вышел мужчина.

– Чем могу вам помочь? – угрюмо осведомился он.

– Мистер Клейн?

– Совершенно верно.

Гриссел показал свое удостоверение. Клейн внимательно изучил его. Ростом он был выше Гриссела, с ухоженной щетиной на верхней губе и подбородке. Густые черные волосы аккуратно причесаны, лицо сильное, волевое. Бенни решил, что ему лет сорок с небольшим.

– Ну, чего вам еще нужно? – осведомился Клейн.

– Где мы можем поговорить?

– Мне и здесь сойдет.

За Клейном в прихожую вышла женщина средних лет, с теми же очаровательными малайскими чертами, что унаследовала ее дочь, и с тем же выражением антипатии на лице.

– Пригласи его войти, – велела она, развернулась и ушла.

Гриссел сразу понял, что Клейну не хочется звать его в дом. Он стоял и терпеливо ждал.

– Ладно, входите!

Они сидели на диване объединенным фронтом: Клейн посередине, жена и две дочери-подростка – по бокам.

Гриссел сел напротив, в мягкое кресло, держа в руках блокнот. Жена, не давая ему ничего спросить, заговорила сама:

– Меня зовут Нур, это Лайла, а это Асмида. Я вторая жена Фарука, он отчим для моих детей. Первая жена Фарука оказалась с гнильцой. Он ловил ее на измене, и не раз. Когда он больше не смог терпеть, он ее ударил, она подала на него в суд, и на него завели дело. Он признал себя виновным, получил условный срок, развелся с ней. В прошлом году она вышла замуж в четвертый раз. – Все это говорилось уверенно, но без осуждения.

Две девушки-подростка смотрели на него в упор. Клейн, окруженный тремя красавицами, не скрывал довольной улыбки.

Гриссел кивнул, собрался было ответить, но жена не дала ему и рта раскрыть.

– В тот вечер, когда убили Слут, Фарук был здесь, дома. Со всеми нами. Мы поужинали в семь, как всегда, потом девочки ушли на кухню делать уроки, а мы с Фаруком смотрели в гостиной телевизор. Дети пошли спать около десяти, а мы с Фаруком около половины одиннадцатого, потому что у нас обоих хорошая работа, которой мы дорожим. Мы очень любим друг друга. Мы не белые, мы небогаты, но и у нас есть свои принципы. Мы бы не стали покрывать того, кто совершил убийство... Что еще вас интересует?

Бенни закрыл блокнот. Оставался один вопрос, но он заранее не ждал в ответ ничего хорошего.

– Мистер Клейн, вы... случайно, не придерживаетесь коммунистических взглядов?

Все четверо дружно расхохотались.

Высокая красавица встала:

– Мы собирались пообедать; не хотите к нам присоединиться?

12

Он сел в машину, кипя от негодования. Ужасно хотелось крепко выругаться и что есть силы треснуть кулаком по рулю. Да, ему лишний раз напомнили, как тяжело быть полицейским. Приходится тревожить людей утром в воскресенье, нарушать их покой, приносить с собой неприятности. Семья Клейн при виде его тут же сплотила ряды и дала ему отпор. «Мы не белые, мы небогаты, но и у нас есть свои принципы». Ему хотелось объяснить, что к цвету кожи его вопросы никакого отношения не имеют. Он приехал потому, что у зрителя есть ключи от всех квартир в доме... ну и еще потому, что в прошлом у него судимость. Самое обидное, что Клейны все равно не поверили бы ему. Таковы уж особенности этой страны... Цвет кожи, все вращается вокруг цвета кожи – постоянно, куда ни взгляни, как ни старайся... А ведь он всего лишь выполняет свой долг!

«И у нас есть свои принципы». Жена Клейна явно намекала на беспринципность самого Гриссела, доказательством чего служил его визит. Да, здорово она его осадилась... Уходя, он думал: если Анна выйдет за адвоката, будут ли они вот так сидеть на диване вместе с его детьми от первого брака? Новая счастливая семья, сплоченная ячейка праведников, сбросившая наконец бремя мятущегося полицейского-алкоголика... Наверное, Анна в похожей ситуации тоже будет объяснять: «Мой первый муж оказался с гнильцой, он пил и бил жену». Преодолеет ли он когда-нибудь последствия своей слабости?

Он остановился у заправки «Энген» рядом со своим домом и зашел за едой в продуктовый магазинчик «Вулворт». Без всякого удовольствия он оглядывал готовые сэндвичи и коробки с полуфабрикатами, снова злясь на то, что в сети закусочных «Стирз» перестали выпускать фирменные многослойные бургеры «Дагвуд». «Понимаете, сэр, на их приготовление уходит слишком много времени, клиенты не хотят так долго ждать...» Куда катится мир? Люди больше не хотят ждать, пока им приготовят вкусную еду. Все должно быть быстрым. Безвкусным, вредным, зато быстрым.

Ничего и никогда не было простым.

Бенни вспомнил сон, который видел около месяца назад. Сон был повторяющимся, он снился ему четыре ночи подряд. Он играл с «Ржавчиной», но никак не мог попасть в ноты, выдержать темп, он терзал струны не в той тональности. Остальные музыканты все косились на него, и лица у них были озабоченные, вопросительные.

Вот так он себя и чувствовал со вчерашнего дня. Как будто разучился играть в такт со всем миром. Перестал попадать в ноты.

С другой стороны, когда он за последние десять лет чувствовал себя по-другому?

На кухне он сунул в микроволновку коробку с курицей и брокколи под сырным соусом и позвонил Мбали.

– Бенни, здесь настоящий бедлам. Они вызвали своих экспертов до того, как я успела позвонить нашим, из УРОВП. Конечно, они действовали из лучших побуждений, хотели помочь подполковнику, но... Если и были какие-то улики, их давно затоптали. А пострадавшего пришлось опрашивать в карете скорой помощи! Он точно не знает, откуда в него стреляли. Может быть, со стороны теннисных кортов. Но мы опросили теннисистов, они ничего не видели и не слышали.

– Ему попали в ногу?

– В лодыжку. Со второго раза. Бенни, снайпер стрелял дважды. Первая пуля попала во входную дверь. Сейчас мы ищем пули или осколки. Может быть, тогда что-нибудь поймем.

– Значит, с первого раза он промахнулся.

– Да. Первый выстрел не попал в цель.

Сидя за высокой стойкой, Гриссел ел курицу прямо из контейнера, без всякого удовольствия. Он сидел и смотрел на свой горный велосипед, который не снимал со стены уже две недели. Теперь у него нет времени, чтобы кататься по утрам. Приходится вставать раньше, чтобы успевать в пробках добираться до штаб-квартиры УРОВП в Бельвиле. Скорее бы закончили строить проклятые эстакады на шоссе N5! Чемпионат мира по футболу закончился, и шумиха со строительством тоже улеглась.

Надо было переехать поближе к работе, подыскать квартиру в одном из северных пригородов. Но переезжать Бенни не хотелось. Ему нравилось жить под самой Столовой горой, рядом с центром города. И вдали от Анны, от прежних проблем и забот. В Бельвиле много искушений; там находятся все его прежние места «водопоя», а также прежние дружки-событийники...

Да и вообще, кататься на велосипеде как-то расхотелось.

Жизнь – штука непростая.

Он встал, перешел к дивану и лег на спину, положив руки на грудь. Навалилась усталость от недосыпа; может быть, ему стоит вздремнуть – полчаса, чтобы в голове прояснилось.

«...очень не хочется давить на тебя еще больше, но ты должен действовать быстро. Ведь сумасшедший ублюдок до тех пор будет стрелять по нашим сотрудникам, пока ты не найдешь убийцу!» Африка произнес поистине крылатые слова!

Гриссел велел себе сосредоточиться. Итак, речь идет о преднамеренном убийстве. Скорее всего, убийца – человек, которого она знала.

Не смотритель.

Других подозреваемых нет. Мотива тоже.

Трудность в том, что на самом деле он ничего не знал о Слут.

Он глубоко вздохнул, встал, взял дело и снова присел к стойке для завтрака. Перечел показания мистера Ханнеса Прёйса, директора «Силберстейн Ламарк», и Габрилле (или Габби) Виллетте, личной помощницы Слут. Они подробно рассказали о том утре, когда обнаружили тело. Их показания позволяли понять, каким хорошим работником была жертва, но о ней самой по сути не говорилось ничего.

Гриссел придвинул к себе блокнот и переписал в него три телефонных номера из дела.

Габрилле Виллетте жила одна за жилым комплексом «Авеню» в Си-Пойнте, в стороне от шумной Хай-Левелроуд. Она открыла ему дверь босиком; оказалась маленькой и худенькой, как ребенок, с узким личиком, обрамленным короткими светлыми волосами. Бенни решил, что ей лет двадцать восемь – двадцать девять. После скупого телефонного разговора Гриссел удивился ее теплоте. Он извинился за то, что приехал так рано и не предупредил ее заранее.

– Днем я не сплю, пожалуйста, проходите, – с улыбкой ответила Габрилле Виллетте. Гриссел заметил, что у нее большие клыки, отчего ему вспомнились вампиры. – Я прочла заметку в утреннем выпуске.

Гостиная была оформлена в веселых сине-желтых тонах. На стене большие фотографии в рамках – главным образом фрукты. Тускло поблескивающие гроздья зеленого винограда, красное яблоко, желтая груша, эмалированное ведерко, полное ярко-оранжевых абрикосов... Заметив, куда он смотрит, хозяйка сказала:

– Это мое хобби.

Больше она ничего не добавила, и Гриссел невольно стал гадать, что именно она имеет в виду – фрукты или фотографию.

– Садитесь, пожалуйста, – пригласила Габби, а сама устроилась на голубом диване. Глаза у нее оказались такими же, как обивка, – голубовато-серые.

Гриссел сел в светло-желтое кресло, достал блокнот. Габби закинула ногу на ногу и выжидательно посмотрела на гостя.

– Я пытаюсь понять, какой была Ханнеке Слут, – объяснил Бенни.

Габби медленно и задумчиво кивнула, посмотрела на стопку книг, журналов и газет на журнальном столике.

– Я три года пыталась это выяснить, но, пожалуй, так ничего о ней и не узнала, – суховати ответила она, отчетливо произнося каждое слово. Потом она словно опомнилась и поспешила пояснить: – Поймите, я не хочу проявлять неуважения к ее памяти.

– Мне поможет все, – сказал он.

Габби снова кивнула, не только в знак согласия, но и обдумывая свои слова. Она наморщила лоб и посмотрела в пол. Гриссел догадался, что таким было ее обычное выражение.

– Ханнеке... Моим первым начальником в «Силбер стейн» стал Барри Бринк. Для него мне приходилось делать все. Просматривать почту – простую и электронную, отвечать на звонки по его мобильнику, договариваться о его поездках к парикмахеру, звонить его жене и предупреждать, если он задерживался на совещании. Я помогала его дочери-школьнице делать домашние задания по Интернету. Они приглашали меня в свой загородный дом в Йонгенс-фонтейне, а по воскресеньям я ужинала у них в Блуберге. Барри был открытой книгой. Знаете, капитан, начальники бывают двух видов. Барри был экстравертом. А Ханнеке... была... совсем другой. Она словно отгораживалась от всех. Лично мне приятнее работать именно с такими, как Ханнеке, – с такими людьми гораздо легче. Они сразу очерчивают круг твоих обязанностей: следить за рабочим графиком, всегда быть на связи, искать ссылки, прецеденты и статьи закона, отвечать на звонки по служебному телефону, а по ее мобильному – только если она на совещании. Никаких личных дел! Только после ее смерти я поняла, как мало я о ней знала. Ведь проходит первое потрясение, и невольно начинаешь задумываться... Тут ничего не можешь с собой поделать.

– Сколько времени вы с ней работали?

– Почти два года.

– Ну и какой она была... как начальник?

– Она мне нравилась, – ответила Габби, на сей раз быстрее, без кивка и задумчивой паузы. Бенни промолчал, он ждал продолжения.

Молчание затянулось. Габби скрестила руки на груди. Гриссел догадывался, почему она молчит: ей не хочется говорить плохо о мертвой. Он терпеливо ждал.

– Я восхищалась ею, – чуть тише продолжала Габби, снова опуская глаза в пол. – Она была красивая и умная. И работала так... профессионально! Так сосредоточенно... Проводила на работе почти весь день. Очень ценила точность и организованность. Никогда не опаздывала. При этом всегда была ухоженной. И... порядочной. – Габрил ле Виллетте посмотрела Грисселу в глаза. Она как будто радовалась, что вспомнила о покойной что-то по-настоящему хорошее. – Она всегда относилась ко мне по справедливости.

Поняв, что узнал ненамного больше, чем из материалов дела, Бенни спросил, как проходил типичный рабочий день Ханнеке Слут. Прежде чем ответить, Габби Виллетте снова замялась в нерешительности, задумалась, медленно кивнула. Потом заметила, что в прошлом году и в январе нынешнего Ханнеке жила в разных режимах. Наверное, и в Кейптаун она переехала потому, что поняла: в противном случае она просто сгорит на работе. Живя в Стелленбоше, она вынуждена была вставать в половине пятого утра, чтобы успевать в фитнес-клуб к без четверти шесть. Она ездила в клуб «Верджин эктив» на Джетти-стрит, где занималась в тренажерном зале до без четверти семь, и каждый будний день в четверть восьмого уже сидела на рабочем месте.

– Откуда вы знаете, что она занималась в тренажерном зале?

– Иногда она даже диктовала мне оттуда, сидя на велотренажере, или отдавала распоряжения на день. Я слышала характерный шум.

Гриссел спросил, чем занималась Слут после того, как приезжала на работу. Габби ответила: с половины девятого до девяти они со Слут просматривали ежедневник, готовились к встречам. Потом она уходила на деловые встречи, совещания. В «Силберстейн» принято часто совещаться. Позже, между часом и тремя часами дня, Слут отвечала на звонки и просматривала электронную почту, потом работала над контрактами и отчетами. Как правило, она засиживалась в кабинете до восьми вечера. Виллетте это знала, потому что никогда не уходила домой раньше своей начальницы. Иногда Слут уезжала на бизнес-ланч; иногда вечером ее приглашали на прием. Бывало, ее посылали в краткосрочные командировки, чаще всего в провинцию Гаутенг. Виллетте помнила два дня зимой, когда Ханнеке Слут звонила и разговаривала хриплым, насморчным голосом, сообщала, что страшно простудилась, свалилась с гриппом и принимает кучу лекарств. А в прошлом году она неделю отсутствовала на работе, потому что делала операцию...

Многозначительно произнесенное последнее слово заставило его спросить:

– Что за операция?

– Пластическая... По увеличению бюста, – ответила Виллетте, машинально покосившись на собственную плоскую грудь. Голос ее прозвучал слишком уж бесстрастно.

– Когда именно в прошлом году она делала операцию?

– В апреле.

Гриссел понял, что теперь может задать следующий вопрос:

– Ее все любили?

Прежде чем ответить, Виллетте снова опустила глаза на журнальный столик. Потом она медленно покачала головой и тихо ответила:

– Нет.

13

Как только Мбали вышла из ворот перед участком «Грин-Пойнт», ей пришлось продираться сквозь толпу зевак. Истцы, желавшие подать на кого-то жалобу, и просто любопытные стояли за желтой заградительной лентой, протянутой вокруг входной двери. Все с интересом наблюдали за Толстым и Тонким, двумя сотрудниками отдела криминалистической экспертизы, которые сосредоточенно рылись в осколках.

Мбали еще немного постояла в воротах, прикинула приблизительную траекторию выстрела и зашагала в нужном направлении. Время от времени она останавливалась, оборачивалась, проверяя, как, по мере удаления от объекта, сужается поле зрения.

Она прошла по серой открытой площадке за теннисными кортами к Западному бульвару. Мог ли снайпер остановиться здесь, прицелиться, выстрелить... Да еще два раза? Вряд ли.

Дождавшись временного затишья, она перебежала половину дороги, постояла на островке безопасности, оттуда перебралась на противоположную сторону. Сумка на длинном наплечном ремне на бегу больно била по бедру, пришлось придерживать ее рукой.

Отдышавшись, Мбали посмотрела на ворота участка. Отсюда, издали, они казались невозможно маленькими.

Она внимательно огляделась по сторонам. Может быть, снайпер расположился здесь? Слева открытая парковка, за ней боулинг-клуб. Справа кирпичный забор с колючей проволокой сверху, за ним – городская ратуша. Через такой забор никому не перебраться.

Мбали долго стояла на одном месте, озираясь во все стороны и напряженно думая. К кое-каким выводам она все-таки пришла.

Гриссел терпеливо ждал. Наконец Габби ВилLETTE нарушила молчание:

– Поймите, у нас специфическая обстановка, – заговорила она. – В «Силберстейн» все начальство мужчины. Все директора и почти все заместители. Ну а личные помощницы – женщины. Ханнеке находилась где-то посередине... – Она вскинула голову и вдруг улыбнулась, словно извиняясь и снова показав верхние клыки. – Понимаете, я не привыкла обсуждать свою работу с посторонними. В том-то и трудность. «Силберстейн» становится твоим миром, всей твоей жизнью...

Гриссел понимал, что ей не терпится все высказать.

Габби скрестила руки на груди и продолжала:

– Работа у нас такая... интенсивная! Приходится про сиживать по многу часов, выкладываться, на тебя давят со всех сторон, ведь речь идет об очень больших деньгах, на нас лежит огромная ответственность... – Она медлен но опустила руки. – Вы меня понимаете? Повторяю, у нас очень специфическая обстановка, ее трудно объяснить человеку несведущему. У нас... у личных помощниц... сложились свои отношения. Для того чтобы система нормально функционировала, мы должны быть в курсе всего. Знать, какие у кого завихрения. По-моему, Ханнеке нарочно отгораживалась от нас. Чтобы все окружающие видели, что она хоть и женщина, но не нам чета. Она – одна из них, из начальства. Вы меня понимаете? Наверное, ей важно было закрепить, так сказать, за столбить свое положение. Такое отношение нравилось не всем. Иногда мои сослуживцы вели себя мерзко. Не из зависти, а просто «чтобы она не задирала нос». Как будто она самым фактом своего существования оскорбляла их до глубины души. В общем, о ней часто сплетничали. Ходили разные слухи...

Габби жалобно посмотрела на Гриссела, словно ища его поощрения. Он не обманул ее ожиданий, спросив:

– Какие же слухи о ней ходили?

Габби снова медленно кивнула:

– Почти все было неправдой.

Гриссел жестом показал, что все понимает.

– Поговаривали, что ради повышения она готова на все.

Габби Виллетте снова скрестила руки на груди и посмотрела в окно.

– Ведь Ханнеке в самом деле была честолюбивой. Вот почему о ней распускали всевозможные слухи. Например, если она ехала на бизнес-ланч с директором, о них говорили, будто они... Ну, вы понимаете... А после того, как она увеличила себе грудь, стали ехидничать: мол, теперь она метит выше...

– Были ли у нее романы на работе?

– Нет, – сразу выпалила Виллетте, но поняла, что выдала себя, и пожала плечами. – Не знаю. Я правда не знаю.

– А сами что думаете?

– После того как я начала с ней работать – определенно нет.

Гриссел понимал, что ей самой ужасно хочется посплетничать, но она ждет, что он будет задавать ей наводящие вопросы.

– А до?

– Возможно.

Гриссел ободряюще кивнул.

– Тогда она еще числилась стажером. Очень давно, году в 2002-м. Тогда ее зачислили в отдел корпоративных отношений. Заведующим там был Вернер Гелдерблум. Для нее он стал кем-то вроде наставника; тогда ему уже было за пятьдесят. Симпатичный мужчина. И женатый... Так вот, ходили слухи, что они... Вы понимаете...

– Ходили слухи?

– Кажется, они часто задерживались вдвоем на работе уже после того, как его личная помощница уезжала домой. Как-то раз Гелдерблум взял ее с собой на судебное заседание в Преторию, а на следующее утро, когда его личная помощница позвонила в отель, ей показалось, что она слышала на заднем плане голос Ханнеке...

Гриссел надеялся на большее. На что-то недавнее.

Виллетте продолжала:

– Сплетни...

Он кивнул, стараясь скрыть разочарование.

– Вы знали ее бывшего приятеля... – Он взглянул в свои заметки. – Эгана Роха.

– Да, я видела его дважды. Один раз, почти сразу после того, как я стала работать с Ханнеке, он приезжал к ней в офис. И еще на рождественской корпоративной вечеринке в позапрошлом году... – Словно вспомнив что-то, Габби добавила: – Они подходили друг другу.

– В каком смысле?

– Оба красивые. И относился он к ней очень... Мне кажется, он ее понимал. Он... Ему очень удобно с самим собой.

– Вы знаете, почему они расстались?

Габби покачала головой.

Из машины Гриссел позвонил Ханнесу Прейсу, директору фирмы «Силберстейн». Звонок переключился на автоответчик. Он оставил сообщение, а потом набрал номер Эгана Роха. Тот ответил сам, но связь была плохая, он слышал шум движущегося транспорта. Гриссел объяснил положение. Рох сказал, что находится на той стороне Цитрусдаля, дома будет только после семи. Может быть, они встретятся завтра?

Бенни согласился, назначил встречу на десять часов утра. Договорились, что он приедет к Роху на работу, на винную ферму в окрестностях Стелленбоша.

После разговора с Рохом Гриссел решил заехать в полицейский участок «Грин-Пойнт», потому что ехать до него было совсем близко. Машину пришлось оставить напротив, на стоянке у небольшого супермаркета, потому что ворота были перегорожены. Он сразу отправился искать Мбали.

Эксперты Толстый и Тонкий собирали оборудование.

– Привет, Бенни! – окликнул его Арнольд, толстый коротышка.

– Ну все, теперь мы можем выдохнуть, – подхватил высокий и тощий Джимми.

– «Ястреб» приземлился, – сказал Арнольд.

– Здравсте, – поздоровался Гриссел.

– «Здравсте»? – передразнил его Арнольд. – С каких пор? Раньше ты не так к нам обращался! Раньше сразу посылал далеко и надолго. Неужели «Ястребы» не ругаются?

– Не ценят там традиции. Вот в чем беда с нашими элитными подразделениями.

Гриссел вздохнул:

– Вы Мбали видели?

– Нашего мощного «Ястреба», – хихикнул Арнольд.

– *Falcus Giganticus*, – ухмыльнулся Джимми.

– А Бенни у нас – поющий ястреб-тетеревятник, – вдруг обрадовался Арнольд. – Я слышал, ты обзавелся своей рок-группой...

– Да пошел ты! – против воли вырвалось у Гриссела.

– Так-то лучше, – ухмыльнулся Арнольд. – Только, ты уж извини, такое название уже есть у другой группы: «Да пошли вы, полицейские» называется. Но и «Пошли вы, «Ястребы» тоже сойдет...

– Мбали, – напомнил Гриссел, потому что злиться на двух клоунов было невозможно.

– Улетела, – ответил Джимми. – Вернулась на место преступления в Клермонт.

– Бенни, она тебе уже рассказала?

– Что?

– Что с ней случилось в Амстердаме?

– По-моему, кто-то попытался снять ее в «квартале красных фонарей», а она его прикончила, – ответил Джимми.

– Так, Бенни?

– Я ястреб, а не крыса, – бросил Гриссел, направляясь к воротам.

Снайпер отправил послание без семи четыре, но спешка и неуверенность отняли у него удовольствие. И за компьютером не сиделось. Он достал из выдвижного ящика стола ключи от «чань», быстро вышел в кухню и открыл внутреннюю дверь, ведущую в гараж. Немного постоял на пороге, уговаривая себя не спешить.

Именно этого он сейчас себе позволить не может. Одна ошибка. Достаточно всего одной ошибки. Он должен взять себя в руки. Придется хорошенько обдумать свой следующий шаг. Каждая минута, проведенная на дороге в «чане», представляла собой риск.

Он задумался, стараясь успокоиться. У него нет другого выхода. Придется ехать. Сдать экзамен.

Он медленно закрыл за собой дверь, сел в машину. Посмотрел назад. Все на месте. Он завел мотор. Нажал кнопку на пульте, открывая ворота гаража.

Выехал на шоссе N7, в сторону Мелкбосстранда, потом повернул на M19 к востоку, откуда начиналась старая Атлантическая дорога. Он искал подходящее место и нашел его в пяти километрах от поворота – там гравийная дорога отходила влево и пересекала железнодорожные пути. Он свернул, увидел возможную цель, метрах в ста от него. Эвкалипт шаровидный с толстым стволом, местами кора отходила клочьями.

Он остановился, заглушил мотор. Почувствовал, как свело шею от напряжения. Казалось, внутри у него все переворачивается. Почему он никак не может перестать волноваться?

Потому что он уже два раза промахнулся. Вот что злило его и лишало всякого удовольствия. Он все замечательно спланировал, но такого не предвидел.

Он приказал себе: «Успокойся! Решай задачу». Он ждал. Смотрел. Слушал. Наконец перелез через сиденье, опустил матерчатую шторку, достал винтовку и чуть сдвинул боковую панель.

Прицелился в дерево. Насколько все легче, когда цель неживая! Он выстрелил. Посмотрел в прицел. Превосходно! Насколько все легче, когда цель не движется!

Значит, проблема не в винтовке. Проблема в нем.

14

Острое желание сделать хоть что-нибудь, не болтаться без дела, убить время привело Гриссела назад к квартире Слут. Все равно сейчас он не в состоянии заниматься ничем другим. Рано или поздно ему придется тщательно и скрупулезно обыскать ее жилище. Кроме того, с самого визита к Габби Виллетте ему не давал покоя один вопрос...

Охранница, которая провожала его до квартиры, спросила в кабине лифта:

– Вы скоро закончите?

– Скоро, – ответил Гриссел.

Охранница только вздохнула.

Войдя, он закрыл за собой входную дверь, потом подергал ее изнутри. Автоматический замок не сломан. Гриссел прислонился к двери спиной.

В версии, по которой Слут знала убийцу, имелся один изъян: отсутствие запасного ключа от квартиры. На связке, которую он держал в руках, висело всего четыре ключа: один от входной двери, один от «мини-купера», два от ящиков стола в спальне. Кроме того, по словам Нкхеси, наверху хранятся запасные ключи от ящиков. Вот и все.

До того как уйти от Виллетте, он спросил, кому Слут доверила бы запасной ключ от своей квартиры. Виллетте снова кивнула, задумалась, а потом сказала:

– Не знаю... – Она обещала позвонить ему, если что-то придет ей в голову.

Гриссел развернулся, проверил цепочку. Никаких повреждений!

Может, кто-то украл запасные ключи? Кто-то, кого Слут не знала? Может, она иногда забывала закрыть дверь на цепочку и на задвижку, раз у нее имелся смотровой глазок?

Тогда зачем убивать ее, не грабя и не насилуя?

Еще один важный вопрос: у кого был мотив?

Обыск Гриссел решил начать сверху, со второй спальни. С прошлого раза он уже привык к ее странноватому виду. В необитаемой спальне возникало стойкое чувство – волнение и подозрение, будто ты за кем-то подглядываешь. При помощи взятого на кухне ножа он вскрыл все коробки, аккуратно извлек содержимое, а потом уложил на место.

Учебники, возможно сохранившиеся со студенческих лет. «Африканское обычное право», «Частное право», «Римское право», «Уголовное право», «Общественное право», «Толкование законов», «Уголовно-процессуальное право», «Конкурентное право», «Страховое право», «Закон об интеллектуальной собственности», «Интернет-право»... Сколько всяких прав! Ничего удивительного, что суды и тюрьмы переполнены. Ничего удивительного, что полиция не справляется.

Стопка подарочных изданий по виноделию, искусству, дизайну интерьера, несколько романов на африкаанс Мариты ван дер Вейвер, Этинны ван Герден и Андре П. Бринка, гораздо больше книг на английском в мягких обложках. Среди прочих – романы Джоди Пикоу, Энн Тайлер и Джона Гришма.

Девятнадцать DVD-дисков. В основном с европейскими фильмами, так называемыми артхаусными. С субтитрами. Два порнофильма с соблазнительными обложками: «Пять горячих историй для нее» и «Городская фрикция».

Полная коробка музыкальных CD-дисков. «Ванилла Айс», Мэрайя Кэри, «Нирвана», Пола Абдул, Уитни Хьюстон, «Дюран-Дюран», «Перл Джем», Аланис Мориссет, Лаурика Паух, «Бойз ту Мен», «Найн Инч Нейлз», Эл Джерро, Кос Комбейс, Мадонна, «Ред Хот Чили Пепперз», «Рейдиоhead». Шесть дисков с подборками музыкальной классики: «Лучшая классическая музыка всех времен и народов», «Отдохни с Моцартом» и тому подобное.

Сувениры. Старые программки и билеты на концерты и спектакли, почтовые открытки, поздравительные открытки с днем рождения, окончанием университета, повышением. Старые

билеты на самолет, буклеты бюро путешествий с рекламой туров в Европу и США. Дешевая бижутерия, громоздкий старый мобильник. Декоративные гребни и заколки для волос, две пары поцарапанных темных очков, соединительные кабели для айпода, разрозненные групповые снимки.

Шесть фотоальбомов и маленькая коробка с письмами. Их Гриссел отложил в сторону. Остальные коробки были заполнены одеждой и обувью. У Ханнеке Слут было много обуви.

Письма и фотоальбомы он отнес вниз, в гостиную. Потом сел на диван и открыл коробку с письмами. Он не спешил, испытывая своего рода дурное предчувствие. Он понимал, что переходит некую границу. Теперь Слут станет для него женщиной из плоти и крови, чувственной, хрупкой. У нее почти не останется тайн от него. Он лишится преимущества расстояния, объективности, все станет более личным. В том-то и трудность, в том-то и корень зла. Он прекрасно понимал, что будет дальше. Вначале ему пришлось сравнительно легко. Он не был на месте убийства. Он не стоял рядом с трупом, не видел выражения ее лица в момент смерти. Не чувствовал запаха крови, духов и тления. Он не проживал с ней мысленно последние секунды жизни, не чувствовал ее острого страха перед надвигающимся мраком смерти, не слышал безмолвного крика, который издают все, когда утрачивают последнюю связь с жизнью.

Доктор Баркхейзен снова и снова повторял:

– Бенни, не нужно этого усваивать, интернализировать!

Док понимал, что пьет Бенни именно поэтому. Но примерно месяц назад Гриссел признался:

– Док, я не знаю, как это сделать.

– Бенни, сходите к психиатру.

– Для чего, док? – спросил он тогда.

Он ведь прекрасно помнил, с чего все началось. Тот, первый раз он видел перед собой отчетливо, хотя все произошло четырнадцать лет назад. Солнечное субботнее утро... Пятилетняя девочка в парке в Рейландсе, в белых носочках и белых сандалиях, в хвостиках синие ленточки. Душераздирающая красота ее хрупкого личика... И багровые кровоподтеки, оставшиеся после того, как ее изнасиловали и задушили... и пятна спермы. Детская ручка, крепко сжимающая обертку от ириски – последнее сокровище...

Тогда он выехал на четвертое убийство за неделю. Как он не сломался? Нехватка людей, постоянный недосып, переработка. Все страдали от посттравматического стресса, хотя тогда тот термин еще не был в ходу. В то утро Бенни увидел, какое выражение застыло на лице девочки в момент смерти, услышал животный крик – и понял: все кричат, когда умирают, все цепляются за жизнь, цепляются крепко, из последних сил, а когда пальцы жертвы слабеют и она срывается вниз, она кричит от ужаса. От страха перед концом.

Конечно, он пил и раньше – но умеренно. И знал свою норму. Четыре-пять раз в неделю, после смены, с ребятами. Но после того случая он пошел вразнос. Только спиртное заглушало голоса и затемняло страшные картины, убирало всепожирающий страх. Он боялся, что такое может случиться и с его близкими, с Анной, Карлой и Фрицем...

Если он поделится своими соображениями с психиатром, тот пропишет ему какие-нибудь таблетки. И у него вместо алкогольной зависимости (или вместе с ней) разовьется зависимость от какого-нибудь препарата. Психиатр может дать совет и похуже: «Поменяйте работу». Каково менять работу в сорок пять лет? Да еще белому. Которому нужно платить алименты после развода, вносить свою долю на обучение дочери в университете... и у которого ни цента не отложено на черный день.

Жизнь – штука непростая.

Наконец он нагнулся и сунул руку в коробку.

Он методично складывал из кусочков картину ее жизни. Фотоальбомов и писем оказалось недостаточно для того, чтобы получилось четкое представление. Пропуски пришлось дополнять воображением.

Обычная биография – жизнь, типичная для девушки из семьи африканеров среднего класса. Родилась в середине семидесятых в Ледибранде, в провинции Фри-Стейт. Отец – Виллем Слут, продавец в кооперативном магазине, высокий, худой, слегка сутулый; к тридцати годам начал лысеть, зато, словно в виде компенсации, отпустил усики. На снимках у него часто недоверчивое и даже испуганное выражение человека, взявшего в жены женщину значительно выше себя по положению. Его жена Марна – милое лицо, улыбка выдает решительность характера и отвагу. И единственная дочь Ханнеке, которой с самого начала повезло: в смысле внешности она унаследовала от родителей только лучшее.

В начале восьмидесятых семья переехала в Парл. Видимо, Виллему предложили место получше, потому что старый и довольно ржавый «форд-эскорт» сменился белым «фольксвагеном-пассатом» с кузовом универсал. Ханнеке превращается в стройную школьницу; густые волосы заплетены в косу, она без тени смущения демонстрирует в широкой улыбке небольшую щель между передними зубами. Хорошенькая, решительная и беззаботная девочка.

Виллем Слут все реже появляется на семейных снимках; видимо, он чаще всего держит фотоаппарат. Если он все же присутствует на фотографиях, то стоит чуть дальше от Марны. Марна стала настоящей красавицей, она расцвела с годами. Их дочь резко меняется в пределах одной альбомной страницы – наверное, там ей лет пятнадцать. На верхнем левом снимке она еще совсем ребенок – худенькая и немного испуганная. На нижнем правом снимке метаморфоза почти завершена и прошла очень удачно для нее. Очень выросла – на голову выше матери. Фигура спортивная, но женственная, элегантная. Широко расставленные глаза, полные губы, завораживающие изгибы шеи и плеч. Вместе с красотой развивается и характер. Вот на снимке школы для девочек в Парле она – председатель дискуссионного клуба, капитан хоккейной команды, член студенческого совета и обладатель награды по бухгалтерскому делу.

Гриссел наскоро просмотрел письма. Два от мальчиков, неуклюжие, незрелые признания в любви и желании, теплые дружеские письма от других девочек, в которых сквозит восхищение. Стопка писем, написанных матерью. Вначале Марна поздравляет дочку с успехами в учебе, осторожно намекая на то, что та должна стремиться взлететь как можно выше. Позже, в студенческие годы и в год после окончания университета, когда Ханнеке Слут путешествовала по Европе, мать признается, что сама упустила много возможностей, разочаровалась в муже. Она более явно демонстрирует честолюбивые намерения, связанные с дочерью.

Переписка обрывалась около 2000 года. Тогда Ханнеке Слут устроилась в «Силберстейн Ламарк». Наклеенные и надписанные фотографии заканчиваются в тот же период. В последнем альбоме – стопка неприклеенных, разрозненных фотографий: Слут в обществе молодого мужчины. Гриссел решил, что это Эган Рох. Высокий, широкоплечий, мускулистый, чрезвычайно самоуверенный. По словам Габрилле Виллетте, они с Ханнеке были «красивой парой». Судя по снимкам, они часто гуляли в горах, ездили на винную ферму, ходили под парусом в Тейбл-Бэй, бывали в гостях. Даже слетали в Нью-Йорк – по крайней мере, один раз.

Она не приклеила фотографии... Как будто не хотела закреплять свои отношения.

Методично обыскивая главную спальню, он не переставал думать. Вспоминал признания Габби Виллетте, гадал, к чему они подходят и что можно извлечь из альбомов и писем.

Ханнеке Слут была честолюбивой.

Имеет ли это какое-то значение?

Ему часто приходилось становиться свидетелем того, как людей губит чрезмерное честолюбие. Иногда всепожирающее желание подняться по общественной лестнице, сравняться

с соседями и коллегами заставляло людей (особенно женщин) прибегать к мошенничеству, воровству на работе. Иногда честолюбие толкало их на контрабанду наркотиков в самолетах.

Ханнеке Слут пошла другим путем, почетным и вполне приемлемым. Усердный труд и самодисциплина в школе и университете, а потом и в фирме «Силберстейн». Предполагаемый роман с пожилым женатым мужчиной на заре карьеры можно приписать как желанию подыскать психологическую замену слабому отцу, так и желанию продвинуться по службе.

Впервые он услышал внутренний голос. Служебный роман, чувственные фотографии, операция по увеличению бюста, порнофильмы, огромный вибратор... Во всем этом прослеживается некая поведенческая модель. Гриссел верил в модели поведения. Если долго и внимательно искать, найти такую модель можно всегда. Кроме того, восемь из десяти женщин убивают мужа, женихи, любовники, отвергнутые поклонники, сексуальные партнеры...

15

Он так ничего и не нашел. Ни запасного ключа, ни следов, ни зацепок.

В гостиной он от отчаяния посмотрел в телескоп и пришел к выводу, что прибор чисто сувенирный: увеличение слабое, возможные места, за которыми Слут могла бы подглядывать, находятся слишком далеко.

Гриссел подошел к двери, в досаде и нерешительности остановился рядом с пятном засохшей крови на полу. Он понял, почему Нкхеси так и не добился успеха. Перед Нкхеси маячили лишь смутные тени, призраки, которые исчезали, стоило протянуть к ним руку... Коммунисты? Снайпер все неправильно понял. В жизни Ханнеке Слут не было коммунистов. Зато имелся огромный вибратор в прикроватной тумбочке. День оказался потрачен впустую: он так ничего и не узнал, а завтра ублюдок снайпер выстрелит в ногу еще одному полицейскому.

Бенни с большим трудом удержался, чтобы не выругаться.

Надо позвонить Купидону. Пусть читает дело – он оставил его в штаб-квартире УРОВП. Может, Купидон до чего-нибудь додумается. Он повернулся, чтобы выключить свет, и вдруг кое-что вспомнил. Одна мысль мелькала у него в подсознании с самого визита к Виллетте: контраст между двумя квартирами. Квартира Габби Виллетте была очень обжитой, и в ней чувствовался отпечаток личности хозяйки: фотографии фруктов на стене, журнальный столик в гостиной завален книгами, журналами и газетами... А у Слут все как-то голо. Слишком аккуратно, слишком безлично.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.